

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БУРЕВОЙ
ОДЕРЖИМЫЙ.
ДЕВЯТЫЙ ГЕРЦОГ ИМПЕРИИ

Андрей Бурево
Девятый герцог Империи
Серия «Одержимый», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11874133
Одержимый. Девятый герцог Империи: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015
ISBN 978-5-9922-2123-7

Аннотация

Все было бы хорошо. Ну правда, все было бы хорошо. Если бы не бес-благодетель... Ведь до сей поры у сэра Кэрридана ди Стайни все складывалось просто отлично. Их с его дражайшей невестой, а по совместительству сильнейшей магессой мира, охотничья двойка уже какого-никакого опыта набралась, и изведение жутких драконов перестало быть таким уж опасным. Можно сказать, вошло в привычную колею. Да и отношения у него с Черной Розой Империи явно пошли на лад... Так что впору уже начать всерьез подумывать об обещанном императором призе за успех в деле изведения драконов, оккупировавших предгорья Палорского хребта, и примерять на себя титул удельного владетеля. Но... но бес-благодетель не дремлет! Ох не дремлет... И благодаря его проискам сэра Кэрридана ждет возвращение домой, к невесте ненаглядной, в компании со взятой на поруки красоткой-златовлаской... А этот рогатый прохвост только радостно скалится да, предвкушающе потирая лапки, приговаривает: «О, что сейчас будет, что сейчас буде-э-эт...»

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Андрей Буревоу

Девятый герцог Империи

Часть первая

Окруженный деревянной стеной городок словно прыгнул навстречу мне, совершенно неожиданно вынырнув из заповолившего всю округу густого утреннего тумана. Хотя столь скорое появление какого-либо поселения ничто не предвещало. Лишь примеченный мной на последнем перекрестке, оставшемся милях в трех или четырех позади, указательный знак – прибитая к чуть покосившемуся серому столбу такая же старая, разохшаяся и потемневшая от времени и непогоды доска с вырезанным на ней и подведенным когда-то давно для вящей отчетливости черной краской названием «Коуридж» – как бы намекал, что цель моего путешествия уже совсем близка. Однако отсутствие не только обширных предместий, обычных для городов в сонно-спокойных центральных областях Империи, но даже расположенных за крепостной стеной, поближе к тракту и усталым путникам, постоянных дворов ввело меня в заблуждение... Когда дорога резко закончилась, я едва успел осадить своего разгоряченно хрипящего коня, несущегося галопом, не дав ему врезаться в небольшой крестьянский обоз, медленно вползающий под бдительным присмотром пятка доспешных стражников через открытые настежь ворота.

Успешно избежав столкновения как с последней телегой, так и с вовремя отскочившим в сторону вихрастым паренком, шагающим подле нее, и заставив опуститься взвившегося было на дыбы коня, я облегченно перевел дух. Все ведь могло закончиться куда как хуже... По той простой причине, что мое верховое мастерство, прямо скажем, хромает. Причем на все ноги. Из седла при быстрой скачке не выпадаю – и то хорошо.

Впрочем, досадная оказия, приключившаяся со мной у ворот городка, ненадолго заняла мое внимание. Оглядевшись и убедившись, что никто, включая не успевшего даже особо испугаться деревенского паренка, от моих действий не пострадал, я моментально и думать забыл о случившемся. И немедля послал своего коня вперед, одновременно с этим заставляя его принять чуть правей и ступить с дороги на поросшую травой обочину. Очень быстро и без помех я добрался до ближайшего стражника, бесцеремонно обогнав при этом медленно продвигающийся вперед обоз.

– Коуриджская каторга? – означил я вопрос, обращаясь к служивому.

Молодой стражник на мгновение отвлекся от осмотра ближайшей телеги на меня, восседающего на громко хрипящем и словно бы приплясывающем коне, которому не терпелось продолжить скачку.

– Это вам туда, – ткнул стражник рукой куда-то влево. – Мили полторы еще по дороге, почти до самой реки. – И добавил несколько неуверенно, оглядев меня: – Сэр.

– Значит, мили полторы всего... – призадумался я, сначала повернув голову и посмотрев в указанном направлении, а потом потрепав по холке своего загнанно дышащего коня: его явно пора бы уже сменить.

После чего бросил оценивающий взгляд на раскрытые городские ворота.

– Ну или еще напрямик через город можно проехать, и через восточные ворота дальше, – несколько неправильно оценил мои колебания стражник. – Так оно чуть короче будет.

Досадливо дернув уголке рта, я коротким кивком поблагодарил коуриджского стражника и ударом пяток послал коня в объезд преграждающей путь крестьянской телеги и далее – по дороге, уходящей влево, вдоль стены, набранной из толстенных, необхватных

бревен. Не стал в городок заезжать, дабы поискать замену заметно подуставшей животинке, несущей меня на себе уж с полуночи. Больше времени потеряю на этом, чем выиграю...

Мысль об утекающем времени заставила меня с новой силой стиснуть зубы и прищипорить коня. Мне-то тут хорошо на свободе, а для Энжель на каторге каждый миг тянется как нескончаемая вечность...

Я аж опять зарычал про себя, досадуя на свою непроходимую наивность, заставившую без оглядки довериться серомундирникам. Пусть даже хорошо знакомым. Думал, по-людски обойдутся со златовлаской служащие Охранки, поддержат ее немножко в своих подземных казематах, в тишине и покое, да и все. И даже всякую крамольную мысль ведь отгонял, что с Энжель могут поступить иначе! А они... Отправили ее на каторгу! Даже не посадили в какую-нибудь жуткую тюрьму, а отправили прямиком на каторгу!

Уже в который раз за эти три дня, что минули с момента получения мной от астарха Кована известия о месте пребывания одной особы, которая по какому-то недомыслию мнится руководством Охранки настоящей преступницей и хитрым агентом наших заклятых аквитанских друзей, я порывисто вздохнул, неимоверным усилием воли подавляя в себе терзающее душу беспокойство об участи бедняжки Энжель. И погнал коня галопом вдоль городской стены. К восточным воротам Коуриджа... Где очутился спустя буквально пару минут. Это произошло не в последнюю очередь из-за того, что объездная дорога оказалась совершенно пуста, а соответственно придерживать коня мне не понадобилось.

Помеха в пути встретила лишь чуть погодя, когда я, вывернув близ скупающих у открытых ворот стражников на плохонький тракт, поскакал дальше. Навстречу мне последовал целый обоз из почти двух дюжин груженных доверху повозок, запряженных волами. Впрочем, несмотря на определенную узость дороги, ведущей вроде как прямиком к каторге, разминулся я с этим непонятным караваном без особых проблем – промчался просто по самой бровке и был таков.

И вот спустя пятую часть часа после обнаружения мной искомого Коуриджа я очутился на месте. У высоченного частокола, в который упирался узкий, изрядно пыльный тракт.

Оглядевшись по сторонам со спины гарцующего коня, что вновь взвился было на дыбы из-за резко дернутых назад поводьев, я утвердительно кивнул, убеждаясь, что явно попал именно туда, куда надо. Конечно, нигде нет никакой указующей таблички, но здесь, за плотно, без единой, даже крохотной щелки поставленным частоколом определенно не обычное селение скрывается. Слишком уж высока отстроенная кем-то преграда... Наверное, вдвое, не меньше, превосходит восьмиметровую стену, окружающую Коуридж. Да и набрана она из совсем тонких стволов деревьев, а не из приличных – в пару-тройку обхватов. Такую простеньким тараном можно враз разметать. И башен нет ни одной. Ни сторожевых по периметру, ни даже обязательной надвратной. А это уже явно указывает на то, что передо мной ни разу не защитное сооружение. Прямо подходи кто хочешь по чистому полю к частоколу да карабкайся вверх по обильно смоленным стволам...

«Правда, по лугу этому, кошеному, зачем-то известью или мелом отсыпана белая полоса, – заметил я на расстоянии примерно полусотни ярдов от темной стены, поблескивающей осевшей влагой, еще одну бросающуюся в глаза несуразность. – И это явно неспроста...»

«Ага!» – поддержал меня сидящий на левом плече бес, наверное, тоже слышавший о таком способе обозначения территорий, запретных для прогулок.

«В основном, конечно, такие места, напичканные магическими ловушками, а потому требующие обозначения во избежание трагических случайностей, встречаются близ пограничных крепостей, но и тут, похоже, то же самое», – подумал я, поглядев вправо-влево и удивившись, что теряющиеся в тумане белые полосы присутствуют с обеих сторон тракта и, судя по всему, уходят вокруг каторги, заключая ее, таким образом, в своеобразное кольцо.

Которое, правда, остается разомкнутым в месте примыкания к дороге. Здесь, так и не слившись друг с дружкой в одно целое, два конца тщательно отсыпанной линии резко изламываются и убегают к частоколу по обочинам, как бы предупреждая о недопустимости съезда на них.

Проверять верность возникших догадок путем проникновения на очерченную территорию я не стал. Просто потому что не до того. А отнюдь не из-за страха перед возможными последствиями, как тотчас же с ехидством предположил бес, не упускающий ни единой возможности подначить меня и втравить в какую-нибудь авантюру. Ведь очевидно же: если здесь и в самом деле имеются какие-то магические ловушки, то они разве что усыпляют или парализуют сошедшего с дороги и ступившего на траву человека. Чай каторга – это не пограничная крепость и в защите столь серьезным образом, с использованием действительно смертоносных эффекторов воздействия, не нуждается. Тем более учитывая еще, в каком месте она располагается... Близ какого-никакого, а городка. Проблем же потом не оберешься, случись кому из непричастного люда опрометчиво влезть в убийственную ловушку. А влезет в нее кто-нибудь обязательно! Это любому человеку, хоть немного понимающему людскую натуру, понятно.

Так что, бросив на очерченный предупреждающей линией лужок последний взгляд, я просто двинул коня дальше. К воротам, вырезанным прямо в частоколе. Их контур был четко видим даже с приличного расстояния.

Стучать или кричать, дозываясь охрану, мне не пришлось. Стоило только приблизиться к воротам на достаточное расстояние, как в них раскрылось небольшое окошко, забранное металлической решеткой. Человек, лицо которого тут же возникло в проеме, вопросительно уставился на меня.

– Это Коуридская женская каторга? – проформы ради осведомился я, даже не сомневаясь в положительном ответе.

Спрыгнув с коня, я с подозрением принялся. Какой-то странный, тревожащий обоняние запах, довольно далеко отстоящий от ароматов изысканных дамских духов, я начал ощущать, еще оказавшись возле восточных ворот городка. Но особого внимания на этот факт не обратил, подумав мельком, что там, близ ворот, за стеной, расположено какое-то алхимическое производство. Однако то обстоятельство, что по мере удаления от Коуриджа благоухание это неземное не ослабевает нисколько, а лишь усиливается, как-то ускользнуло от меня. Только здесь, у темной стены, которой каторга обнесена, я начал прозревать и что-то неладное подозревать... Потому как особенно отчетливо духом этим резким, неприятным несло из щелей в воротах, перед которыми я оказался.

– Она самая, – меж тем утвердительно ответили мне в окошко.

И умолкли.

«Ишь неразговорчивые какие попались», – хмыкнул я про себя и, не дождавшись закономерного вопроса о том, чего мне надо, велел присматривающему за воротами каторги охраннику:

– Эйра Риатиса тогда позови. Скажи ему, что сэр Кэрридан ди Стайни по известному делу прибыл.

– Ща... Старшего кликну, – без особого энтузиазма отозвался несловоохотливый охранник и захлопнул окошко.

Мне же оставалось только кивнуть и начать тренировать силу воли и выдержку. А попросту говоря – стоять, неотрывно пялясь на ворота, и смиренно дожидаться появления начальника каторги. К коему мне указал обращаться в своем письме ас-тарх Кован.

Правда, недолго я, замерев будто вкопанный, глазел на ворота, как баран. Спыхватился быстро. И начал вываживать своего запаленного коня. А то ведь так можно сгубить ни про что животинку.

За этим занятием меня и застал вышедший в калитку, обнаружившуюся в правой половине ворот, подтянутый мужчина средних лет в черном форменном мундире. Не иначе как сам начальник каторги... Судя по безупречно сидящему на нем – явно пошитому на заказ! – щегольскому мундиру из дорогого сукна, с серебряными пуговицами.

– Ваши бумаги, пожалуйста, – попросил он, несколько удивленно, как мне показалось, оглядев устало хрипящего коня и запыленного меня.

– Вот, прошу, – немедленно предъявил я требуемое, достав из переметной сумы документы, присланные ас-тархом с сопроводительным письмом.

Быстро просмотрев бумаги, мужчина хмыкнул. Оторвавшись от них, он опять уставился на меня и на коня. Теперь – уже с совершенно отчетливо проявившимся на лице удивлением.

– Что-то не так? – не выдержал я.

– Да нет, все так, – заверил он, спохватываясь и возвращая бумаги. И, еще раз хмыкнув, поделился: – Просто я, как, впрочем, и все, несколько иначе представлял себе человека, выбившего разрешение прибрать к рукам нашу самую прелестную узницу – крошку ди Самери.

Такой неожиданный поворот разговора малость напряг меня. Да неслабо так озадачил...

– И как это понимать? – недоуменно нахмурившись, осведомился я.

– А, не берите в голову, – отмахнулся собеседник, обрывая пошедшую в очень странном направлении беседу. И несколько натушно рассмеялся. Вроде как желая показать, что его слова следует воспринимать исключительно в качестве шутки.

А затем поспешил отвернуться, чтобы отдать распоряжение захлопнувшему за ним калитку и теперь выглядывающему наружу в зарешеченное окошко охраннику:

– Давайте приоткройте там чуть ворота, запускаем.

Само собой, мгновенно ворота не отворились – пришлось чуть подождать. Совсем недолго, впрочем. Уже через пару минут я прошествовал вслед за высоким здешним начальством во двор каторги. И коня за собой затащил. Несмотря на его явное нежелание лезть в место, выпустившее навстречу нам целую волну удушливого смрада.

Только недалеко я ушел. Пройдя всего-то с пяток-другой ярдов за частокол, остановился в полном обалдении... Из состояния которого меня вывели лишь тупой звук упавшего в пазы увесистого бруса, заблокировавшего за нами створки небольших квадратных ворот, да глухое ругательство одного из двоих обретавшихся тут охранников, которому едва не придавило при этом действе пальцы.

Было просто чему удивиться... Снаружи-то все выглядело чинно и благородно – скошенный лужок да обычная стена. А вот изнутри... Изнутри каторга выглядит совсем иначе.

Пресловутая черная стена частокола, начиная с высоты примерно трех ярдов и до самого верха, вся заплетена-запутана тонкой стальной нитью. Причем не обычной гладкой, а колючей! Усеянной кривыми и с виду острыми-преострыми шипами просто в неимоверном количестве! Будто кто-то взялся в металле дикий шиповник воплотить! И у него это получилось.

При взгляде на это хитросплетение необычных нитей у меня сразу возникло впечатление, что на стене разместился некий невообразимо огромный кроличий силос. В такой только сунешься – застрянешь намертво, с концами!

Но и это еще не все. Отступая от первой, внешней стены ярдов на дюжины эдак с полторы, шла вторая. Вполне себе обычный частокол. Только, не в пример первому, шестнадцати-семнадцатиярдовому, низенький совсем. До его верха даже человек среднего роста легко достанет руками. Достанет... И схватится прямо за выступающее полотно острозаточенной пилы с чуть расставленными зубьями размером в ладонь!

А дальше, еще ярдах в двадцати, имелся и третий забор... Чисто символический уже. Который можно просто перешагнуть. Если у кого-то вообще возникнет такое желание – ступить на занимающий пространство между второй и третьей оградами ковер. Ужасающий ковер из хаотично переплетенных двух-трехфутовых игл и пик. Стекланных. Не иначе как созданных магией. Да... А за основу этого творения абсолютно безумного мага, сдается мне, была взята шкурка ежа.

Мне аж нехорошо как-то стало, когда представил себе, как кто-то пробирается через это невероятное препятствие из сверкающих острейшими гранями шипов и игл. Тут же от тысяч глубоких, до кости, порезов-ран не спасут и самые-самые крепкие сапоги! А если потерять равновесие, что в этом стеклянном хаосе сделать проще просто, и упасть, так вообще...

– Вы бы еще ров с крокодилами здесь обустроили! Чтоб уж наверняка! – невольно вырвалось от избытка чувств, охвативших меня при виде всего этого ужаса.

– Ну, ров с крокодилами у нас пока вполне успешно заменяет вторая полоса – та, что у основной стены. Туда в темное время суток выпускаются натасканные на людей рувийские боевые псы, – обернувшись, рассмеялся мой сопровождающий.

– Да ну, это уже просто мрак какой-то, – ошарашенно пробормотал я, не поверив поначалу каторжному начальству.

А потом, после взгляда на его ухмыляющуюся физиономию, лучащуюся гордостью и довольством, все же принял всерьез слова о натасканных на людей рувийских боевых псах, бегающих по ночам меж внешним частоколом и второй стеной.

Видя же, что я не только не спешу поддержать его смех, но и, очевидно, вообще не нахожу ничего забавного во всем этом, здешний набольший быстро оборвал себя. Хохотнув еще пару раз, он смущенно кашлянул. После чего, одернув мундир, произнес, вроде как оправдываясь:

– Зато в течение тридцати семи лет, практически с самого момента образования Коуриджской каторги, не было осуществлено ни одной успешной попытки побега с нее!

– А что, кто-то еще и пытается?! – обалдело возрился я на него, с трудом отводя взгляд от непроходимого ковра стекланных лезвий, игл и шипов.

– Да бывает, – уклончиво ответил на мой прямой вопрос начальник каторги, явно не желая развивать тему.

Это зародило во мне закономерные подозрения. Похоже, несмотря на всю очевидную нереальность осуществления побега из этого места и на то, что сама такая попытка, учитывая все те жуткие препятствия, созданные местной охраной на пути к свободе, является полным безумием, бежать отсюда каторжанки пытаются довольно-таки часто... От хорошей жизни, наверное.

– Нужно немедленно вытаскивать отсюда Энжель! Немедля!.. – выдал я вслух, до глубины души проникшись увиденным и из-за этого чуть позабывшись.

И невольно стиснул оказавшийся в левой руке повод своего коня. До скрипа сминаемой заскорузлой кожи. Этот тонкий, раздражающий слух скрип и заставил меня опомниться, быстро ослабив хватку сжимающегося кулака. До того как конскому поводу был нанесен непоправимый ущерб.

«Да уж... чуть не сорвался на пустом месте», – мысленно укорил я себя и несколько смущенно покосился на обретающихся поблизости людей. Дабы выяснить, как они отреагировали на мою вспышку.

Но тут все было в полном порядке. Не понадобилось даже извиняться. Мой нечаянный возглас, несмотря на его отчетливость, был начисто проигнорирован как высоким каторжным начальством в лице моего спутника, так и парой рядовых охранников у запертых ворот. Все деликатно сделали вид, что ничего не слышали. И глаза отвели. Дескать, они тут не при делах.

– Идемте же, сэр Кэрридан, – кашлянув, поторопил сопровождающий после совсем крохотной заминки. Он приглашающе махнул рукой, увлекая за собой.

– Да, конечно, идемте, – тотчас же согласился я, решительным усилием воли безжалостно задавливая беспокойство и смятение, охватившие меня при виде навевающих жуть заградительных бастioned Коуриджской женской каторги.

И последовал за здешним набольшим дальше по своеобразной аллее, больше похожей на какой-то тоннель, стены и высокий арочный свод которой были сотворены из многослойной паутины стальной колючей нити, крепящейся на часто стоящих Г-образных металлических столбах-опорах. А там – вторые ворота. Только не деревянные, сплошного набора, как первые, а уже железные, решетчатые. Для вящего эффекта еще и густо оплетенные все той же колючей нитью. Хотя в дыры меж прутьев, для пущей надежности конструкции скрученных кольцами в местах соединения, и без того не пролезть ни одной беглянке размерами крупней домашней кошки.

Я уже не стал ничего говорить, глядя на все это невероятно дорогое, если судить по количеству использованного металла, сооружение, через которое не проскользнет, не ободрав бока, пожалуй, даже мышшь. Только головой покачал. Но когда мы, преодолев половину расстояния от ворот до ворот, миновали самый настоящий стиарх... Я уже просто не смог смолчать.

– У вас что тут, контрабандистов немерено, что ли, водится? Раз казне пришлось раскошелиться и поставить сюда дорогуший стиарх, кои даже не на всякой таможне имеются? – спросил я, едва мы очутились за серебристой аркой, полыхнувшей алыми рунами и коротко, пронзительно звякнувшей дважды в момент нашего прохождения под ней.

– Есть, конечно, среди наших заключенных и контрабандистки, но они здесь совершенно ни при чем! – рассмеялся обернувшийся начальник каторги. И чуточку снисходительно пояснил: – Стиарх здесь установлен исключительно для фиксации и сличения аур следующих этим путем людей. Чтобы ни одна из наших подопечных не совершила побег, спрятавшись в каком-нибудь отъезжающем от нас обозе.

– Ясно, – удовлетворился я этим объяснением. Нисколько не приоткрывающим, впрочем, завесу тайны над тем, почему казна пошла на такие расходы, установив здесь стиарх. Зная наших чинуш, известных крохоборов и жадюг, скорей можно было бы ожидать, что они просто повесят на местную охрану обязанность по тщательному досмотру следующих с каторги обозов.

«Пробивное, видать, здесь начальство», – хмыкнув про себя, поделился я своими мыслями с бесом.

«Ага, без крупной взятки тут явно дело не обошлось!» – согласился он и, живо озираясь по сторонам, лапки потер.

– Открываем! Запускаем! – меж тем отдал распоряжение начальник каторги отирающейся у решетчатых ворот четверке охранников в полных кожаных бронях.

Один из них, повесив на плечо стреломет, стоящий на боевом взводе, принялся сдвигать с нашего пути колючую преграду. Ворота-то эти, вторые, хитрые оказались: нараспашку не открывались. Не иначе с той целью, чтобы их нельзя было выбить, бросив на них, к примеру, коня. Они сдвигались влево, скользя небольшими колесиками по массивным металлическим желобам-упорам сверху и снизу.

Миновав и эти ворота, мы очутились уже во внутреннем дворе каторги. Огромном, надо заметить, дворе. Учитывая, что разместился здесь не один десяток здорvующих зданий, – и все равно простора осталось достаточно. Все, считай, строения наособицу из-за этого стоят. Только два, из числа самых больших, в которых по практически полному отсутствию окон легко угадываются склады, рядом друг с другом расположились. А еще хватило места для немалой конюшни и некоего подобия гостевого дома прямо у входных ворот.

– У вас тут что, настоящий постоянный двор поставлен? – с отчетливым удивлением спросил я, когда ко мне из-под навеса метнулся конюх, одетый вполне обычно, отнюдь не в форменный черный мундир, и попытался забрать повод коня.

– Да нет, что вы! Здесь только конюшня да простенькая харчевня, где можно лишь слегка перекусить и чайком побаловаться, – живо ответил начальник каторги. – А на постой у нас, разумеется, остановиться нельзя. – И доверительно поделился: – Люди-то ведь ладно, но животные определенной заботы требуют. Вот и пришлось место им обустроить, где они могут передохнуть, пока грузятся или разгружаются обозы. Ну и заодно уже для возниц харчевню поставили.

– А, понятно, – кивнул я, снимая с крупа коня переметную суму и вручая уставшую животину заботам конюха.

– Не стоило, в общем-то, беспокоиться, у нас не воруют, – мельком глянув на мои действия, тонко улыбнулся здешний набольший. Не сдержавшись, он рассмеялся: – Побаиваются, видя перед собой отчетливый пример того, чем это грозит!

– Да я не из-за каких-то опасений о своем имуществе так поступил, – заверил я, легко забрасывая тощую суму на левое плечо и похлопав по ней ладонью. – Просто здесь все бумаги, включая удостоверяющие мою личность, лежат. Вдруг что понадобится при оформлении.

А о том, что там же находятся и практически все мои деньги, я своего собеседника, понятно, просвещать не стал. Ибо не настолько меня тревожит их сохранность. В отличие от документов, от которых зависит освобождение Энжель.

– А, ну если так, то конечно, – легко принял объяснения начальник каторги, покосившись на мое явно недешевое оружие, оставшееся притороченным к седлу. – Не хотите ли с дороги перекусить? – вдруг предложил он.

– Что? Перекусить? – изумленно воззрился я на него, не поверив поначалу своим ушам.

В уме просто не укладывалось, как вообще можно такое предложить, зная, сколь серьезная причина привела меня на каторгу! Неужто здесь в порядке вещей приехать кого-то вызволять, особо не спеша при этом забирать свою подопечную?! Вроде как нет никому дела до того, нескончаемым часом больше она в столь жутком месте будет пребывать или целым мгновением меньше.

Мне стоило изрядных усилий не дать излиться охватившему меня возмущению. И охладило мой пыл, пожалуй, только нежелание портить так вот сразу отношения со здешним начальством. Потому я лишь резко мотнул головой, отказываясь от поступившего предложения. А затем, не позволяя эмоциям прорваться в голос, бесстрастно заметил:

– Давайте лучше сначала разберемся с делом, по которому я прибыл. А там уже можно будет и перекусить.

– Так эйра Риатиса все равно пока нет, а без него ваше дело никак не разрешить, – ошарашил меня неожиданным заявлением спутник.

– То есть как это – нет? – тупо переспросил я, уставившись во все глаза на человека, почитаемого мной за начальника Коуриджской каторги.

– Ах да, я же совсем забыл представиться! – едва не хлопнул себя по лбу тот. И немедленно отрекомендовался, склонив на мгновение голову и прищелкнув каблуками, ровно как какой-то гвардеец: – Оскар Бартинелли, старший триарх Надзорного ведомства. Сегодняшний ответственный по каторге.

– Так и что же теперь? – промедлив чуть, спросил я, растерянно глядя на него.

– Да ничего, – легкомысленно пожал плечами Бартинелли. – Эйр Риатис на службу обыкновенно к девяти часам прибывает. Так что нужно лишь немножко его подождать.

– Вот как? – пробормотал я и потянулся было к затылку, чтобы почесать его, да вовремя опомнился и отдернул руку. Наверняка ж невместно благородному сэру так по-простецки на людях поступать.

– Именно, – подтвердил Бартинелли, добавив благожелательно: – Потому я и предложил вам перекусить, чтобы время скоротать.

– Ясно, – наигранно бодро протянул я, усилием воли скрывая свое расстройство возникшей провололочкой. Да тут же, встрепенувшись, с надеждой спросил: – А повидаться мне пока с леди Энжель нельзя?

– Сожалею, сэр Кэрридан, но нет, – сокрушенно развел руками ответственный по каторге. – Свидания с заключенными возможны только с разрешения эйра Риатиса или его заместителя, и лишь в строго отведенный для этого час – с двух до трех пополудни. Таковы правила.

– Вот демон! – негромко ругнулся я. И все же почесал озадаченно в затылке, размышляя над тем, как же мне теперь быть. А затем осведомился: – Ну а тогда хотя бы просто уведомить леди Энжель о моем прибытии и ее скором освобождении возможно?

– Давайте лучше вы ей сами об этом скажете, когда будут улажены все формальности, хорошо? – после совсем крохотной заминки предложил старший триарх, отчего-то не пожелавший пойти мне навстречу и в столь малом. И поспешно добавил, не иначе чтобы сгладить впечатление от своего отказа: – Да вы не беспокойтесь так, сэр Кэрридан. Я вас заверяю, ничего страшного с крошкой ди Самери за оставшееся время ее пребывания здесь не случится.

– Ну если вы так говорите... – разочарованно вздохнул я, смиряясь с тем, что бедной златовласке придется еще порядка двух часов провести на каторге, даже не ведая о своем скором освобождении.

– Так что, не желаете ли пока перекусить? – тотчас же повторил свое предложение Бартинелли. И со смущенным смешком произнес: – А то, признаться, вы, сэр Кэрридан, своим появлением прямо от трапезы меня оторвали.

– Да даже и не знаю, если честно, как тут быть, – после непродолжительных размышлений простодушно сознался я. И выразительно повел носом, намекая, что банально кусок в горло не полезет при таких-то несравненных ароматах, витающих в здешнем воздухе. Хотя по уму перехватить чего-нибудь, в общем-то, следовало бы. Потому как в последний раз ел толком я еще в Римхоле.

– Ах вот в чем дело! – немедленно понял мою проблему Бартинелли и, заулыбавшись, потянул меня за собой. – Ничего, сэр Кэрридан, ничего. Уж этот момент мы быстренько поправим. Вот только заглянем сейчас к нашему старшему алхимику – тьеру Морину и раздобудем у него доработанный им «Поглощающий покров Воздуха»... Здешние ароматы моментально перестанут ваше обоняние раздражать.

– А отчего здесь вообще столь отвратно благоухает? – поинтересовался я уже на ходу, поспешая за своим сопровождающим и едва сдерживая порыв заткнуть нос рукавом. Ибо пахло вдруг в нашу сторону особенно мерзко.

– Так ведь наша каторга создана на основе дубильно-красильного производства. Вот и ароматы соответствующие, – бросил на меня удивленный взгляд торопящийся вернуться к столу служащий Надзорного ведомства.

– Ну тогда понятно, – удовлетворенно хмыкнул я, разом разобравшись в том, отчего на Коуриджской каторге не продохнуть от смрада. Выделка кожи – это дело такое. Крайне нужное и выгодное, но жуть какое вонючее.

– Неужели вы не знали о нашей деятельности, сэр Кэрридан? – поинтересовался как бы между прочим Бартинелли.

Я отрицательно помотал головой, не став, впрочем, просвещать своего спутника о том, что до четвертого дня даже слышать не слышал о Коуриджской каторге, а о том, что здесь пребывает Энжель, даже в страшном сне не представлял.

На это старший триарх с какой-то даже обидой провозгласил:

– А ведь наша каторга как-никак почти треть потребностей коронных служб в кожах и крашеном сукне закрывает!

– Ничего себе!

Названный объем произвел на меня неизгладимое впечатление. У меня даже воображение спасовало при попытке представить себе подобную гору кожи и сукна... Я с любопытством спросил:

– Сколько же у вас народа занято этим делом, что вы можете позволить себе выдавать такие чудовищные объемы продукции?

– Ровно две дюжины вольнонаемных мастеров и каторжанок тысяча четыреста без двух, – был дан мне исчерпывающий ответ на этот вопрос.

– Да уж, немало.

Теперь я уже совсем по-новому взглянул на жуткий охранный периметр каторги. Ведь если бы не эти невероятные барьеры, пробирающиеся до дрожи одним только своим видом, то, дабы полностью исключить побег, здесь пришлось бы держать охраны как бы не пару сотен человек. Коих здесь явно не наблюдается. Пара человек у калитки, к которой меня тянет Бартинелли и которая сделана в заборе из все тех же колючих стальных нитей, натянутых, словно струны, меж редких металлических столбов-опор в четыре ярда высотой, отделяющих территорию складов от остальной части каторги. Шесть человек у внешних и внутренних ворот и еще сколько-то – всех сразу мне не видно – слоняется по посыпанной гравием тропинке вдоль ограды, не иначе как обходя периметр. Ну и плюс их обязательная смена. То есть общим счетом – порядка тридцати человек. Ну максимум – сорок, если здешними правилами предусмотрено наличие какой-нибудь тревожной группы немедленного реагирования. И это при том, что томятся здесь почти полторы тысячи каторжанок...

Нет, можно, конечно, допустить, что большая часть охраны где-то от меня прячется, но я с ходу отмахнулся это предположение как совсем уж нелепое. Ибо я же не проверяющий какой-нибудь из столицы, чтобы еще до моего появления все по норам разбежались и не спешили нос казать.

Меж тем мы минули калитку, открытую без лишних слов для нас охраной, и выбрались, таким образом, со складской территории. Вдоль колючей ограды двинулись по набитой тропке к высокому зданию из обожженного кирпича, над многочисленными высокими тонкими трубами которого курился легкий, почти мгновенно рассеивающийся дымок. Оттуда несло резким специфическим запахом алхимических веществ.

Минуты три спустя мы добрались до этого строения. Дошли практически до его входа, выполненного в форме широких ворот, что в данный момент были распахнуты настежь.

– Обождите, сэр Кэрридан, – вдруг остановил меня старший триарх, в последний момент не дав ступить с тропки, по которой мы сюда пришли, на накатанную гравийную дорогу, уходящую от ворот здания куда-то в глубь каторги. И добавил, вынуждая отступить еще дальше назад от этого бледного подобия имперского тракта и кивая на проем ворот: – Надо их пропустить.

– Кого «их»? – не врубился поначалу я, наблюдая лишь дюжую женщину в черном форменном мундире надзирателя, вышедшую из ворот и неспешно двинувшуюся по дороге.

Но дополнительных разъяснений от Бартинелли не потребовалось. Уже мгновением позже ситуация прояснилась. Следом за надзирательницей, повернувшей голову в нашу сторону и коротким кивком поприветствовавшей моего сопровождающего, из ворот обители

алхимиков выползла телега с поставленной на нее на попа большой трехсотведерной бочкой. Влекомая четверкой каторжанок...

На них я, затаив дыхание, и уставился во все глаза, ища знакомые черты лица. Но нет, среди этой четверки здешних узниц, со зримой натугой тащащих груженую телегу, а оттого, похоже, не видящих вокруг ничего, кроме стелющейся под ноги дороги, Энжель не оказалось. Почудилось мне... Ничего общего, кроме роста и хрупкости телосложения, крайняя справа девушка со златовлаской не имеет.

Поскрипывая плохо смазанными осями и похрустывая гравием, старая телега, вся покрытая черными язвами, словно оставленными пламенем, проползла мимо нас, молча стоящих на обочине. Вцепившиеся попарно в оглобли каторжанки в затасканных платьях из простого неокрашенного сукна, пестрящих разноцветными и разномастными заплатками, и в таких же платках, будто и не заметили нашего присутствия. Как шли себе, чуть склонившись вперед и глядя себе под ноги, так и проследовали мимо, не удостоив нас ни косым взглядом, ни каким-то словом...

Хотя нет, я ошибся, слова все же были. Нужно было только чуть напрячь слух. Та малышка, которую я принял за Энжель и которой в силу ее сложения явно приходится тяжелее всех, что-то беззвучно шепчет... Молится, что ли? Или нет... Считает! Считает шаги!

Сглотнув внезапно возникший в горле комок, я возмущенно обратился к своему сопровождающему:

– А мула какого-нибудь или вола для этих целей нельзя было приспособить? Вместо того чтобы использовать каторжанок как ломовых лошадей?

– Да как же можно, сэр Кэрридан?! – выпучил на меня глаза старший триарх, отчего-то внезапно шокированный моими словами. И спросил с не меньшим, нежели мое, возмущением: – Как же можно так над животными издеваться?!

– В смысле? – опешив, с откровенным недоумением уставился я на него.

– Ведь концентрированный алхимический реагент, применяющийся нашими мастерами при дублировании кожи, штука очень едкая! – ответил с осуждением смотрящий на меня Бартинелли. – Я бы сказал даже – обжигающе едкая! И если плеснет случайно из-под крышки бочки при транспортировке... То бедное животное с ума от боли сойдет!

– И что? Нельзя ничего придумать? К примеру, лошадь добротной попоной прикрыть? – не успокоился я.

– Да попоны реагент проест моментально! Обернуться даже не успеешь! – заверил Бартинелли.

– Н-да уж, – только и смог ошеломленно вымолвить я, покачав головой и посмотрев вслед бедным каторжанкам. Их, в отличие от животных, тут, похоже, никто жалеть не собирается.

– Да не переживайте вы за них, сэр Кэрридан. Аккуратно тащить будут – так не расплещут реагент, – поспешно успокоил меня старший триарх. Вот только весь эффект убило его следующее глубокомысленное замечание, сделанное после неловкой паузы: – Ну а нет – так сами виноваты.

– Да, все-таки для того чтобы надзирателем быть, особый характер нужен, – не сдержав чувств, сердито бросил я.

– Ну вы прямо нас за злодеев каких-то держите, сэр Кэрридан! – малость уязвленно высказался на это Бартинелли, одернув мундир и заговорив на повышенных тонах: – И никак не хотите принять тот факт, что у нас здесь как-никак каторга! Каторга! А отнюдь не пансионат для благородных девиц!

– Я это прекрасно осознаю, – поморщившись, возразил я и нахмурился. – Но с женщинами, по-моему, можно было бы обходиться и помягче.

– Да для них и так особый режим предусмотрен, – заявил, сбавив тон, старший триарх. – Не то что для мужчин. – Он начал загибать пальцы на правой руке, перечисляя существующие на женской каторге послабления: – У наших же заключенных и сокращенный на два часа рабочий день в праздники, и право на свидание единожды в год имеется, и свободная переписка с родными и близкими разрешена! Да что там говорить, – вдруг махнул он рукой, – если у них даже выходные есть!

– Ну если выходные, то конечно! – не сдержавшись, фыркнул я.

– Зря вы так, сэр Кэрридан, – осуждающе покачал головой Оскар Бартинелли. – Зря. Да, конечно, работать у нас осужденным приходится в поте лица... Но и не более того. Никто над ними тут не измывается, к какой-то своей злодейской радости, и не притесняет. Все согласно букве уложения «О лицах, приговоренных к каторжным работам». А простой, хоть и тяжкий труд, он, уж извините за прямоту, даже леди только на пользу.

– Ладно, признаю, был не вполне прав, – медленно произнес я, немного смущенный отповедью старшего триарха.

Потерев лоб, я встряхнулся. Это дабы хоть немного себя в чувство привести. А то уже загоняться стал не на шутку, не по делу нагнетая обстановку и на всех каторжанок перенося ангельский образ Энжель. Отчего совершенно неуместным сочувствием ко всем ним проникаюсь. Видимо, четвертые сутки без сна дают о себе знать, жутким образом критичность восприятия нарушая.

– Да чего уж там, – легкомысленно отмахнулся старший триарх.

Похоже, он не раз сталкивался с подобными несправедливыми упреками, исходящими от родни и знакомых пребывающих тут каторжанок, в изуверском обращении с ними. Мотнув головой в сторону строения, к которому мы направлялись, Бартинелли сказал:

– Дорога уже свободна, идемте.

И мы пошли дальше. Выбрались на дорогу, по которой только что проследовала телега с дубильным реагентом, и проследовали по ней к логову местных алхимиков.

Внутри я, правда, зайти так и не смог... Остался стоять у входа, заткнув нос рукавом. Ну совершенно нечем оказалось здесь дышать!

Мой же сопровождающий, поглядев на меня и попросив его чуть подождать, преспокойно вошел в здание. Быстро пересекши небольшую площадку, исчез из виду среди сущей фантазмагии покрытых инеем разномастных металлических бочек, парящих открытых чанов, огромных дрожащих котлов и хаотичного сплетения труб, трубок и желобов.

Удивительная, прямо скажем, открылась моему взору картина. Захватывающая даже. Настолько захватывающая, что, разглядывая здешнее алхимическое производство, я и не заметил, как вернулся мой сопровождающий. Спохватился и опомнился, только когда он сунул мне в руки побрякушку – серебряный кулон на тонкой цепочке того же металла с небольшим, ромбовидным, стеклянно поблескивающим кристаллом мутно-зеленого цвета, навряд ли драгоценным.

– Вот, сэр Кэрридан, возьмите и задействуйте, – велел старший триарх.

Я послушался. Цепочку на шею нацепил, кулон в левой руке легонько сжал и отправил в него ментальный посыл-приказ. И о диво, с едва слышимым хлопком вокруг меня расширяющимся пузырем немедля разлетелась зеленая дымка, тут же развеявшаяся, а тревожащий обоняние мерзкий запах мгновенно исчез! Полностью! Что позволило мне вздохнуть наконец полной грудью.

– А отличная штука этот ваш доработанный «Поглощающий покров Воздуха»! Сразу видно – мастер делал, – не удержался я от комплимента в адрес тутошнего алхимика, сотворившего такое облегчение для людей, работающих на столь благоухающем производстве.

– Да, доработанный «Поглощающий покров Воздуха» и в самом деле отличная штука, – согласился старший триарх и похвастался: – Личная разработка нашего мастера-алхимика тьера Морина!

– Передайте ему мое восхищение его работой, – сказал я, с удовольствием дыша чистым воздухом. У меня даже настроение начало подниматься.

– Да вы и сами можете это сделать, – сказал вдруг обернувшийся Бартинелли. – Вот же и он. – Старший триарх кивком указал на тщедушного мужичка возрастом далеко за полтинник, в обычной серой робе, не иначе как выбравшегося из своего фантазмагорического логова, дабы полюбопытствовать, кому понадобилось его изделие.

– Прекрасная работа, мастер, – обратился я уже к нему, касаясь левой рукой кулона, и тут же полюбопытствовал: – А скажите, этот ваш доработанный «Поглощающий покров Воздуха» действует как-то выборочно? Или совершенно все запахи поглощает?

– Абсолютно все, – ответил приблизившийся к нам мастер Морин. – Оставляет один лишь чистый воздух. Дело в том, что полную фильтрацию воздушной среды много проще делать, нежели выборочную, по каким-то параметрам, – соизволил он пояснить, видя мой неподдельный интерес к его работе.

– То есть доработанный вами эффектор магического воздействия не только с отвратными запахами борется? – задумчиво уточнил я.

– Да нет, что вы, – усмехнулся мастер. – Этот – теперь уже магоалхимический – эффектор воздействия разработан мной по запросу Военного ведомства для очистки воздуха от боевых отравляющих веществ. А все остальное – это, так сказать, всего лишь интересный сопутствующий эффект. – Морин с сожалением вздохнул. – Увы, пока не удастся решить главную проблему моей разработки – высокую энергоемкость поддерживающего заклинивания, на котором она зиждется. В развернутом состоянии эта вещь поглощает не меньше, чем магический щит пятой ступени.

– А с этим что не так? – не понял я.

– Цена, – кратко пояснил вмешавшийся в разговор Бартинелли.

– Да, цена, – печально кивнул мастер-алхимик. – Стационарные изделия такого типа приняты у меня Военным ведомством без оговорок, а вот индивидуальная защита... Над ней я пока бьюсь. И решения проблемы не вижу. Недорогие кристаллы, при условии приемлемости их размеров, не отвечают требованиям по емкости, а драгоценные или полудрагоценные камни в качестве накопителя обходятся слишком дорого.

– Поэтому вы и вставили в кулон не природный, а магически выращенный кристалл? – спросил я, вертя в руке безделушку.

– Да, сейчас я экспериментирую с ними. Может, удастся подобрать удобоваримый баланс стоимости и емкости накопителя, – вздохнул явно переживающий за свою работу мастер.

– И что, есть успехи? – поинтересовался я.

– В какой-то мере, – немного уклончиво ответил мастер Морин. – Пока мне удалось снизить затраты на создание одного эффектора лишь с шести до почти четырех золотых.

– Да, все равно выходит дороговато, – поделился я своим мнением, подумав: «Военное ведомство, несмотря на всю полезность этой защиты, столь дорогие вещицы закупать явно не станет. Ибо никакой казны не хватит, чтобы всю армию такими эффекторами экипировать».

– Дороговато, – согласился мастер-алхимик и повернулся, чтобы уйти.

– Постойте! – окликнул я его, озаренный одной идейкой. И спросил, когда мастер обернулся: – А как насчет дыма и пыли? С ними ваша разработка борется успешно?

– С дымом и пылью вообще нет никаких проблем, – пожал плечами удивленный моим вопросом алхимик. – С ними доработанный «Поглощающий покров Воздуха» справляется при минимальном расходе энергии.

– Отлично! – обрадовался я и решительно полез в суму – за деньгами.

– Что вы делаете, сэр Кэрридан? – спросил удивленный моими действиями Бартинелли.

– Хочу пару таких эффекторов у мастера Морина прикупить, – пояснил я, добравшись до своего кошелька. Вытащив его из сумы, утвердительным тоном спросил у своих собеседников: – Надеюсь, это возможно?

Старший триарх не смог ответить на этот вопрос и в некотором замешательстве устоялся на мастера-алхимика. А тот, помедлив чуть, пожал плечами:

– Да почему же нет? Сейчас еще один принесу! – спешно засобирался он в свое логово.

«Тебе бы только деньги спускать на всякую ерунду!» – проворчал недовольный предстоящими тратами бес.

«Никакая это не ерунда, а крайне полезная штука, защищающая от всякой гадости, развеянной в воздухе», – осадил я этого жмота. В памяти-то еще живо яркое воспоминание о том, как нас чуть не взяли тепленькими охотники на чужих демониц, сбросив с высоты мешки с удушающей пылью. И если бы не гуляющий на месте боя ветер, все могло бы сложиться куда как печальнее... Так что стоит позаботиться о том, чтобы подобная ситуация в принципе не могла повториться. И десятка золотых за это нисколько не жалко.

Бес посопел-посопел, но спорить со мной не стал. И ему, видать, очевидна вся полезность такого приобретения, продаваемого, по сути, совсем недорого. Ведь всего-то в девять золотых мне обошлись два кулона – тот, что висел на моей шее, и тот, с камнем менее насыщенного оттенка, что вскоре вынес мастер Морин.

В общем, расстались мы, весьма довольные друг другом. Я радовался тому, какую полезную защиту приобрел для себя и для Кейтлин, а алхимик – что возместил свои затраты на какую-то часть экспериментальных изделий.

– Ну что, сэр Кэрридан, теперь можно и перекусить? – потеряв руки, спросил Бартинелли по завершении сделки.

– Да, теперь можно, – согласно кивнул я, приходя в хорошее расположение духа.

Только насчет того, где состоится наша трапеза, я ошибся. Мы не вернулись от логова алхимиков назад, к харчевне у конюшни, как я того ожидал. Нет, вместо этого мы пошли по гравийной дороге в глубь каторги. Свернули на ближайшем ответвлении налево и проследовали мимо красивого белого двухэтажного здания каторжного управления, разбитого словно посреди цветника, к вытянутому, приземистому строению из обожженного кирпича под черепичной крышей.

– А это у вас тут что? Ульи, что ли? – удивленно спросил я, глядя на выстроившиеся в пространстве между этими строениями четыре ровнехоньких ряда, по дюжине штук в каждом, прямоугольных металлических коробов на коротеньких ножках, с круглыми дырками-летками.

– Да нет, какие же это ульи? – рассмеялся сопровождающий.

– Но тогда что же это такое? – недоуменно осведомился я.

Ведь все это жутко похоже на пасеку. За исключением того, что ульи никто из металла не делает. Ибо никакой мед их изготовление не окупит. И уж тем более не создают для пчел жилища таких больших размеров, три на три и на пять футов.

– Ну... – затруднился отчего-то поначалу с четким ответом Бартинелли. – Ну... – Однако затем все же объяснил: – Все дело в том, сэр Кэрридан, что, как вам, надеюсь, известно, каторжными правилами запрещено применение телесных наказаний в отношении заключенных женского пола. Но тем не менее принудить их к соблюдению режима как-то

нужно. Ну и вот, сами видите... – закруглился он, разведя руками. Потом вздохнул, глядя на мое непонимающее выражение лица, и прямо сказал: – Карцер это наш, сэр Кэрридан. Карцер.

«Вот это уже действительно жестоко», – ошеломленно подумал я, созерцая металлические шкафы-короба. Покосившись на своего сопровождающего, пребывающего в полной безмятежности, решил: все же не зря служащих Надзорного ведомства в излишней черствости упрекают. Не зря... Измыслить такой карцер, где летом задыхаешься от невыносимой духоты, а зимой коченеешь от ледящего холода, это... это я даже не знаю, кем надо быть.

Однако вслух говорить ничего не стал, благоразумно решив не обострять. Да и не стоит мне, собственно, за всех каторжанок переживать. Будем надеяться, если их и наказывают, то исключительно за дело. А Энжель... Энжель наверняка и не подозревает о существовании на каторге такого жуткого карцера. С чего бы ей бунтовать и здешним правилам не подчиняться? Так что я только головой покачал, и мы двинулись дальше.

Вскоре добрались до строения, соседствующего со зданием каторжного правления, и поднялись на широкое и невысокое, в две ступеньки всего, крыльцо. Миновав широченную дверь, зашли внутрь. И очутились в огромном, чуть ли не на все это здание, зале, заставленном в строгом порядке обычными дубовыми столами и лавками. Но хоть и простецкая внутри оказалась обстановка, из «излишеств» – только расшитые занавески на многочисленных окнах и стоящие на подоконниках в глиняных горшках цветы, я все же удовлетворенно кивнул. Ибо роскошь – не главное. Куда важнее то, что чистенько везде, буквально вылизано. Видно, что следят.

Впрочем, хотя я бы не побрезговал сесть за любой из имеющихся здесь высокобленных до белизны столов, старший триарх мне этого не предложил. Дальше повел. В следующий, имеющий куда более скромные размеры, зал. Тут стояли застеленные белоснежными скатертями небольшие, на четырех человек, столы, вместо лавок – мягкие стулья, и все такое приличествующее не самой захудалой столичной таверне.

– Однако, – покачал я головой, остановившись на входе в этот зал и изумленно его обозревая.

– Идемте-идемте, сэр Кэрридан! – мягко подхватил меня под руку и потащил дальше заулыбавшийся Бартинелли. Ему, похоже, приятно польстило невольно сорвавшееся с моих уст восклицание. – Зал-то что, а вот стряпня нашего повара... Вот где настоящее чудо, – доверительно сообщил он.

За одним из столов, у стены, мы и уселись. Бартинелли тут же велел выглянувшей из кухни дородной женщине – явно не каторжанке, в белом фартуке поверх цветастого платья, принести нам поесть. Ну и, разумеется, выпить. Вот так вот...

Женщина эта, не то кухарка, не то прислуга, оказалась довольно расторопной особой. Уже вскоре я смог оценить здешнюю кухню. С удовольствием отведал превосходно приготовленной молодой телятины, поджаренной в сладком томатном соусе, с отварным картофелем и овощами, что были поданы на серебряном блюде. Пригубил легкого красного вина, отменного на вкус. После чего подивился про себя тому, как славно здесь кормят надзирателей, – как аристократов каких-то.

Не съехидничать на эту тему я, понятно, не смог. И произнес вслух, не обращаясь вроде бы ни к кому:

– Интересно, а заключенных так же потчуют? А то, сдается мне, многие мои знакомые из портового квартала Кельма были бы не прочь поменяться с кем-нибудь из них местами.

Бартинелли на подколку не ответил. Сделал вид, что жуть как поглощен пиршеством желудка. И вообще – когда он ест, то глух и нем. Ну да я и не сомневался даже, что каторжанки здесь питаются совсем иначе. Не про их честь столь шикарно приготовленные блюда.

– Ну и как вам, сэр Кэрридан? – обратился ко мне с вопросом по завершении трапезы Бартинелли, прикладываясь к бокалу с вином.

– Спасибо, все весьма и весьма, – похвалил я здешнюю кухню, ничуть не покрывив при этом душой.

– А все благодаря заботе нашего начальника – эйра Риатиса, – назидательно подняв указательный палец, с некоторым самодовольством сообщил Бартинелли. – Аж из самой столицы герцогства отличного повара к нам сманил!

– Да ну, правда, что ли? Прямо из столицы герцогства? – изобразил я для поддержания разговора некоторое недоверие.

– Истинная правда! – клятвенно заверил старший триарх и привел убийственный аргумент: – Да вы ведь сами могли оценить, насколько отлично все приготовлено! Ну разве мог такое чудо сотворить какой-нибудь неумеха из деревенского трактира?

– Действительно, – не мог не согласиться я. – Чтобы поданная к столу телятина так и таяла во рту, нужно быть отменным поваром. Единственное, несколько непривычно что-то есть, не ощущая при этом никакого запаха, – улыбнулся я.

– А, ну это да, это да, – рассмеялся старший триарх.

Глотнув еще вина, Бартинелли замолчал. О чем-то задумался. О чем-то, отличном от прекрасной трапезы, судя по тому, что его лицо приобрело серьезный вид. Да и взгляд у него стал какой-то... оценивающий, что ли, словно Бартинелли решал, достоин я чего-то или нет.

– Но вообще я совсем не о том хотел с вами поговорить, сэр Кэрридан, – наконец решился он, прекратив меня разглядывать.

– А о чем же? – благожелательно осведомился я.

– Видите ли, сэр Кэрридан... – замялся Бартинелли. – Тут такое дело... Даже и не знаю, как вам все это преподнести.

– Да говорите как есть, – махнул я рукой, поощряя его к продолжению, прежде чем приложиться к бокалу с вином.

– Сэр Кэрридан, я бы на вашем месте не настраивался на то, что вы заберете отсюда ди Самери сразу по приезду эйра Риатиса, – выдержав небольшую драматическую паузу, огорошил меня Бартинелли.

– Это еще почему? – буквально окаменел я, моментально утрачивая вкус к вину.

– Да нет, сэр Кэрридан, вы не подумайте ничего такого, – немедленно вскинул ладони в успокаивающем жесте старший триарх. – С нашей стороны никаких проблем тут нет. Наше дело ведь маленькое – всего лишь неукоснительно исполнить полученное распоряжение. Что, собственно, мы и намерева...

– Тогда в чем же дело? – перебил я словоизлияния Оскара, желая поскорее добраться до сути проблемы.

– Да это наши судейские все воду мутят, за компанию с магистратскими, – досадливо поморщился он.

– В смысле? – уставился я на него, не поняв ровным счетом ничего.

Судейские какие-то... магистратские... когда я на каторгу приехал, а не к ним.

– Ну ведь сам факт передачи осужденной на поруки должен быть еще и оформлен надлежащим образом, сэр Кэрридан, – отставив бокал с вином и сцепив кисти рук в замок, начал объяснять старший триарх. – А сделать это не так-то просто, как кажется. Ведь нужно уведомить судейских из Коуриджа, добиться назначения даты рассмотрения, решить в магистрате вопрос о выделении конвоя для доставки осужденной на место, поставить об этом в известность Первую управу... Ну и так далее.

– Ничего себе, – растерянно протянул я.

– В ообщем, как понимаете, – подытожил Бартинелли, – формальностей достаточно. Чем эти чинуши, собственно, и пользуются! – добавил он с неприкрытым возмущением.

– Но... но каким образом все эти формальности касаются меня и леди Энжель? – совершенно растерявшись, тупо спросил я. – Разве она здесь не находится исключительно по негласному распоряжению Охранной управы?

– По какому еще негласному распоряжению? – выпучил на меня Бартинелли глаза. Недоуменно ими похлопав, он озадаченно спросил: – Как вы себе это вообще представляете, сэр Кэрридан? Мы же никак не можем содержать на каторге лицо без соответствующего судебного приговора.

– Ну Кован... ну с-собака серая, – не сдержав чувств, зло выдал я.

Выбил меня такой поворот событий из колеи, что уж тут и говорить, выбил. Никак я не ожидал, что ас-тарх не удовольствуется обычной для Охранки игрой и реально отдаст Энж под суд! А он... Ну гад! Без шуток отправил златовласку на каторгу! И она здесь действительно отбывает срок.

Пообещав себе поквитаться при случае с этим тайным выкормышем темных и чуть уняв, таким образом, нахлынувшую ярость, я закидал своего собеседника теми вопросами, что напрашивались сами собой:

– И на кой демон этим вашим судейским и магистратским воду мутить? Чего они хотят добиться этим? Вражда у них тут с вами, что ли, какая-то?

– Да нет, никакой вражды нет, – отрицательно мотнул головой старший триарх и криво усмехнулся. – Просто жадность их нешуточная обуяла.

– Жадность? – переспросил я.

– Ну да, – кивнул Оскар. Чуть склонившись над столом, он принялся объяснять: – Раньше-то все проще было. Судейские и магистратские просто присылали сюда своих представителей и оформляли все это дело как выездное заседание суда. Заверяли быстренько бумаги, да и делу конец – все довольны и отправляются по домам.

– А теперь почему так не делают? – нахмурившись, осведомился я у Оскара, сделавшего паузу, чтобы пригубить вина.

– Дело в том, сэр Кэрридан... – задумчиво начал старший триарх, явно подбирая слова. Сделав еще крохотный глоток из бокала, он все же предпринял попытку раскрыть без лишнего заумностей явно запутанную ситуацию: – Дело в том, что наша каторга не вполне обычная. Ведь у нас содержатся исключительно те осужденные, что прежде не имели проблем с законом. Ну или просто не попадались ранее ни разу. А к таким лицам несколько особое отношение. Подразумевающее под собой то, что любая из наших каторжанок по истечении определенного срока и при отсутствии существенных замечаний по ходатайству руководства каторги может быть отпущена на поруки... Если, конечно, найдется человек, готовый держать за нее ответ. – Оскар развел руками: – Так что, как понимаете, ваш случай у нас отнюдь не уникальный.

– Это ясно, – кивнул я, усваивая сказанное, и настойчиво спросил: – Но что здесь не так-то? Отчего судейские против этого дела ополчились?

– Да все так, – отмахнулся Оскар. – Просто однажды, еще до того как я сюда прибыл служить, одну из каторжанок приехали забирать родители. Из купеческого сословия. Подождать день-два, потребные для улаживания всех формальностей, не захотели. Ну и взяли да сунули взятку для ускорения дела... отсыпав и судейским, и магистратским золотишка с лихвой. А тем это, понятно, очень понравилось...

– Да уж наверняка! – не удержался я от сарказма.

– Вот с тех самых пор и начали они всячески затягивать рассмотрение дел по передаче каторжанок на поруки, дабы прибывшие за ними люди несли этим прохиндеям деньги

для ускорения процесса, – наконец донес до меня Оскар то, до чего я уже и сам дошел своим умом.

«А-ха-ха! – возопил чутько прислушивающийся к разговору бес и аж запрыгал. – Теперь понятно, почему обычная каторга так серьезно запечатана! Кто ж позволит деньгам удрать?!»

«Это ты к чему вообще брякнул?» – недоуменно спросил я у возбужденно скачущего паршивца.

«Ай, что тебе, ослу, объяснять! – отмахнулся он от меня. – Все одно без толку! – Закатив глазки, рогатый вдохновенно выдал: – А как умно придумано, как умно... На абсолютно законных основаниях устраиваем каторжанкам совершенно невыносимые условия, как бы мимоходом уведомляя при этом о существовании практики передачи осужденных на поруки, и оставляем для них возможность связаться с родными и близкими путем переписки... И пожалуйста, те, не выдержав потока текущих по бумаге слез, мчатся вытаскивать свое умоляющее о спасении чадо из столь ужасного места! И денежки с собой везут! За ходатайство – каторжным властям и за быстрое оформление – судейским!»

«А ведь похоже на правду», – мелькнула у меня крамольная мысль, заставившая с подозрением уставиться на этого болтуна Бартинелли.

– И сколько, как вы думаете, судейские станут меня томить?

– Да не беспокойтесь, сэр Кэрридан, – вроде как успокаивающе произнес Бартинелли, открыто глядя мне в глаза. – Вряд ли долго.

– А конкретней никак? – нахмурился я.

– Ну... – призадумался ненадолго старший триарх. Откинувшись на спинку стула, он пожал плечами и с некоторым сомнением произнес: – Пару-тройку дней, может... – Запнулся, не договорив, и после короткой паузы чуть увереннее сказал: – Ну или неделю... – Да тут же добавил озабоченно: – Вряд ли две... – И совсем уж убежденно заключил: – А уж до конца отпущенного им по закону на это дело месяца точно тянуть не решатся.

На что я только головой ошалело покачал.

– А если... дать? – Я потер друг об друга большой и указательный пальцы.

– Да зачем вам это нужно, сэр Кэрридан? Деньги зазя тратить? Я вас уверяю – ничего с вашей ди Самери не случится, если она еще некоторое время проведет у нас, – предпринял Оскар довольно убедительную попытку отговорить меня от этой затеи.

– Ну а все же? – проявил я упорство, проигнорировав слова старшего триарха.

– Если пройдохам этим дать, то сегодня же все обстряпают, – помолчав, вздохнул он, отводя глаза. – Там же дела, по сути, всего ничего – пяток бумаг заполнить и подмахнуть.

– И сколько, по-вашему, чинуши сдерут с меня за это? – поинтересовался я, а бес наострил уши.

– Ну... – вновь затруднился поначалу с ответом старший триарх. Ну или сделал вид. А потом, смерив меня оценивающим взглядом, принялся вроде как вслух рассуждать: – То, что вы из благородных, сэр Кэрридан, эти жадюги сразу выяснят. А значит, даже своей высшей ставкой в полтора десятка золотых вряд ли удовольствуются. Тут они, пожалуй, все полсотни захотят...

– Полсотни золотых ролдо? – переспросил я, чувствуя, как у меня сами собой поднимаются брови. У нас-то в кельмском магистрате чинуши довольствуются серебром. А то и медью!

А малость пришибленный затребованной суммой бес немедля велел: «Поехали обратно в Римхол! Там за такие деньги можно целый бордель выкупить, а не одну девицу!»

– Да, этого, полагаю, будет достаточно, – довольно уверенно ответил старший триарх.

– Ладно, ладно, это не проблема, – пробормотал я, прикидывая свои возможности.

Не ждать же мне и впрямь, когда дело само собой утрясется? Нет, если бы не насущная необходимость как можно быстрее вернуться в Римхол, пока какие-нибудь злодеи не измыслили еще чего-нибудь против Кейтлин, можно было бы устроить здесь небольшой переполох, уплатив в итоге много меньше названной суммы – всего-то пару-тройку штрафов, максимум пять золотых ролдо каждый, за телесные повреждения отдельным слишком алчным прохиндеям... Но увы, увы... Времени у меня на это просто нет.

Я задумчиво посмотрел на собеседника:

– А вы можете как-то поспособствовать моему делу? Мне-то еще искать придется невест сколько, к кому там обратиться.

– Даже не знаю, – замаялся приличия ради старший триарх. А потом, вроде как делая одолжение, вздохнул: – Ну если вы всерьез настроены пойти у этих прощелыг на поводу... То я не вправе удерживать вас от этого крайне опрометчивого и совсем не обязательного шага. Тем более что могу понять ваше желание поскорее вытащить с каторги крошку ди Самери. Ей действительно здесь не место. – Он пожевал губами. – В общем, помочь вам в этом, думаю, я вполне способен.

«Этот тоже в деле! – немедленно констатировал я. – Ибо даже не засомневался в своей способности все это проверить. Что в принципе невозможно, если ты ни разу этого не делал. И нечего на судейских пенять – вы с ними в плотной связке работаете!»

Но рвущуюся наружу злость я все же сдержал. Пересилил себя и, чуть успокоившись, полез в суму. Куда перед отъездом, повинувшись не иначе как какому-то наитию, сунул банковский вексель в придачу к звонкой монете. На целую сотню золотых ролдо.

Его-то я и вытащил, протянув Бартинелли, который заметно оживился при виде прописанной в документе суммы.

– Я могу надеяться?.. – вопросительно посмотрел я на собеседника.

– Даже не сомневайтесь, сэр Кэрридан! – заверил старший триарх, проникновенно заглядывая мне в глаза. – Все будет сделано в лучшем виде. Я сейчас же этим вопросом займусь и пошлю кого-нибудь в город – выдернуть нужных людей. Буквально в течение пары часов все организуется.

«Транжира!» – кратко и очень емко обличил меня после этого действия надувшийся бес. Скрестив лапки на груди, он гордо отворотил рыло. Показывая таким нехитрым образом свою обиду. Обиду на то, что я проигнорировал все его увещевания. По его мнению, никакая, даже самая раскрепрасная девушка не стоит таких трат, денежки можно потратить и с большим умом. А уж переплачивать вдвое, вместо того чтобы поторговаться и скостить цену, – это и вовсе полная дурость.

«Да уймись ты, – досадливо поморщился я в ответ на этот демарш. – Деньги – дело наживное, добудем еще. А вот эти крохоборы скоро будут им совсем не рады. И горько раскаются в том, что вообще решили с меня взятку слупить». – Я подавил недобрую ухмылку.

«Ага, раскаются! Как же! – фыркнул явно не поверивший мне бес. – Если только в том, что мало затребовали! – Посопев, он буркнул, глядя, как исчезает банковский вексель на сотню золотых в кармане мундира Оскара Бартинелли: – А денежки тью-тью! И никто их тебе уже не вернет!»

«Это ты так думаешь», – не согласился я.

«Не думаю, а уверен! – отрезал рогатый. – Тут явно действует целая организация. Причем не сама по себе, а под крылышком кого-то очень-очень влиятельного. Судя по тому, что вымогатели не стесняются открыто показывать, что живут они на широкую ногу. Так что здесь тебе даже Кован не помощник. А сам ты ничего не сделаешь. Потому что осел!»

«Ну это мы еще посмотрим, сделаю я что-нибудь или нет», – многообещающе протянул я.

Меж тем я, похоже, перестал быть интересен Бартинелли. Он быстренько попытался избавиться от меня под предлогом крайней необходимости заняться моим делом. Что, впрочем, получило мое полное одобрение.

Одним словом, едва я допил вино, как был незамедлительно препровожден в здание администрации каторги. Где в связи с ранней порой не было еще никого из обретающихся здесь обычно служащих Надзорного ведомства. Только в просторном холле отирались двое сонных охранников, мигом подобравшихся при нашем появлении, а больше-то и не видно никого.

В холле, однако, мы не задержались. Дальше по коридору прошли. Остановились у одной из многочисленных дверей. Оскар отпер ее, и мы вошли внутрь. Очутившись в довольно просторной комнате с паркетным полом, со строгими бежевыми гобеленами на стенах и большим окном, наполовину прикрытым тяжелыми бархатными шторами.

«Прямо гостиная в богатом доме», – подумал я, глядя на стоящий посреди комнаты низенький лакированный столик с плетеным блюдом, где лежали фрукты, а также на четыре мягких кожаных кресла и небольшой диванчик, расставленные вокруг.

– Располагайтесь где вам удобнее, сэр Кэрридан, – радушно предложил старший триарх и удалился.

Пожав плечами, я принял предложение Оскара и устроился на приглянувшемся мне диванчике, с виду очень удобном. Суму свою только запыленную бросил рядом на пол и уселся. Ибо в ногах правды нет. А на диванчике сидеть – совсем не то же самое, что в седле.

В тепле и комфорте, да после неслабого перекуса, меня малость разморило. Дождаясь пропавшего куда-то Оскара, а между делом одухотворенно представляя, как вот-вот вызволю из здешних застенков Энжель, я начал клевать носом. Ну и... сам не заметил, как задремал... Резко проснулся, только услышав чьи-то шаги. Подкованными сапогами кто-то громко цокал по коридору, куда-то быстро направляясь... Да не куда-то, а именно сюда! Судя по резко прервавшемуся звуку шагов и провернувшейся дверной ручке.

Спасло меня от участи предстать перед неожиданно объявившимися гостями в неподобающем виде – безмятежно дрыхнувшим, развалившимся на их диванчике, – выработанное еще в бытность кельмским стражником крайне полезное умение спать вполглаза и моментально очухиваться. Едва дверь начала открываться, я резко провел рукой по лицу, сгоняя сон, и подскочил на ноги. И как ни в чем не бывало уставился на входящих в комнату людей.

Дверь распахнулась, и в мое пристанище заскочил какой-то усатый живчик лет сорока пяти – сорока семи в безупречно пошитом, явно на заказ и не у последнего портного, черном форменном мундире с отороченными серебром воротом и обшлагами рукавов. Он сразу направился ко мне, протягивая руку и с радушной улыбкой восклицая:

– Сэр Кэрридан!.. Рад, весьма рад!

Добравшись до меня, на мгновение приостановился и, не дожидаясь, когда его представит открывший рот Оскар, который зашел в комнату следом, прицелкнул каблуками начищенных до зеркального блеска высоких сапог и отрекомендовался:

– Эйр Матиас Риатис. Лиарх Надзорного ведомства и здешний начальник. – После чего схватил меня за руку и энергично ее потряс. Отпустив, тут же, не давая вымолвить ни слова, ухватил меня за плечо и потянул за собой: – Идемте, идемте же в мой кабинет.

– Одну минуту. – Осторожно освободившись из цепкой хватки начальника каторги, я поднял с пола у диванчика брошенную туда суму с документами и удовлетворенно заметил: – Вот теперь можно и идти.

– Оскар, – озабоченно обратился эйр Риатис к своему подчиненному, – что там у нас с оформлением?

– Я еше полтора часа назад послал почтальона Фирса за судейскими и магистратскими, – немедленно отчитался ставший немножко подобиострастным старший триарх. – Практически сразу по приезде сэра Кэрридана. Так что они вот-вот должны быть здесь.

– Превосходно! – благосклонно кивнул ему начальник. – Давайте тогда сюда крошку ди Самери.

Оскар тут же умчался выполнять распоряжение. А я поспешил следом за эйром Матисом Риатисом, двинувшимся прочь весьма быстрым шагом. Нагнав здешнего набольшего чуть дальше по коридору, довольно невежливо, с отчетливым холодком осведомился:

– Почему все здесь, включая вас, называют леди Энжель крошкой? Как это вообще понимать?

– А? Что? – обернулся ко мне начальник каторги, явно застигнутый врасплох столь неожиданным вопросом. А затем внезапно смущенно рассмеялся и повинулся: – Простите великодушно, сэр Кэрридан. Это все местная специфика сказывается. В плане частого употребления служащими каторги прозвищ осужденных вместо присвоенных им номеров. Хотя, конечно, это не положено... Но вот никак, никак не можем данное дело побороть.

– И кто же это тут настолько умный решил прозвать леди Энжель так донельзя фамильярно? – сощурившись, поинтересовался я.

– Уж ни в коем случае не надзиратели! – воскликнул эйр Риатис. – Это делают сами осужденные. – После кратковременного погружения в раздумья он выдал: – Конкретно в случае с ди Самери – одна из наших, так сказать, старожилов постаралась, Магда-разбойница. Увидев приведенную на построение ди Самери, Магда громко заметила... – И процитировал, проявив при этом недюжинный актерский талант, подражая голосу какой-то грубой бабищи: – Какая прелестная крошка к нам угодила. А я грешным делом думала, что таких ангелочков освобождают из-под стражи прямо в зале суда, признав невиновными в любом злодеянии, даже если их поймали рядом с горой разделанных трупов и с окровавленным тесаком в руках.

– Что ж, тогда ясно, – с определенным облегчением вздохнул я, разобравшись с этим вызывающим тревогу моментом.

– Да вы не волнуйтесь, сэр Кэрридан, никакого урона чести ди Самери за время пребывания у нас не случилось, – добавил, пряча усмешку, эйр Риатис, каким-то образом догадавшись о главной причине моих душевных терзаний, проявляющихся в таком вот ярко выраженном беспокойстве.

– Это радует, – смущенно буркнул я, чувствуя, что заливаюсь краской, и не зная, как отреагировать на такой пассаж.

– Не стоило в этом даже сомневаться, – воздев указательный палец, поучительным тоном заметил лиарх. – У нас все же приличная каторга, а не притон какой-нибудь.

– Я уже понял, эйр Риатис, – поспешно заверил я, желая свернуть ненароком поднятую тему, заставляющую меня сгорать от стыда.

– К тому же, – словно и не заметив прозвучавшего в моих словах намека на капитуляцию, глубокомысленно продолжил развивать начальник каторги, явно задетый за живое тем, что у кого-то вообще могут возникать какие-то сомнения в исключительной благочинности и благообразности порядков, царящих на вверенной ему территории, – в данном случае и в принципе не могло произойти ничего выходящего за рамки. Ибо все проходящие по Надзорному ведомству служащие нашей каторги были под роспись ознакомлены с приказом, завизированным Охранной управой, – обеспечить личную неприкосновенность данной осужденной.

– Я понял, эйр Риатис, – повторил я, и начальник каторги наконец унялся.

– Вот и хорошо, – кашлянув, удовлетворенно произнес он.

Но долго идти молча не смог. Вскоре он обернулся ко мне и, подмигнув, весело заметил:

– Впрочем, во всех этих предосторожностях и не было особой нужды. Учитывая, что крошка ди Самери и сама может за себя превосходно постоять.

– В смысле? – подобрался я, моментально настораживаясь.

– Да вот не так давно двое обормотов из внешней охраны решили зажать ее после ужина в укромном уголке, – без тени смущения начал повествовать начальник каторги, взмахом руки предлагая мне, непроизвольно замедлившему шаг, поторопиться и не отставать. – Поиграть им с эдакой красоткой захотелось...

– И... где сейчас эти скоты? – перебил я его, чувствуя, как у меня сами собой сжимаются кулаки и костенеет выступившая на них чешуя.

– Находятся на излечении! – хохотнул мой спутник, начиная подниматься по лестнице, до которой мы дошли. – Одному ди Самери сломала руку и напрочь отбила хозяйство – с полгода теперь по девкам не ходок, а другому и вовсе перебила гортань, да так, что его едва успели спасти.

– Ну это им еще повезло, – буркнул я, чуть охолонув и вспомнив о том, как однажды Энжель на моих глазах вмиг разделалась с настоящим демоном. – Могли бы и вовсе жизни лишиться.

– Это да, – легко согласился начальник каторги и поделился: – Не ожидали они просто такого от хрупкой девчонки, выглядящей так обманчиво беспомощно. Думали, раз ее магический дар ограничен, а связь с талиаром подавлена до такой степени, что ей потребны многие минуты, а не считанные мгновения, чтобы полностью лишить человека жизненной энергии, то ди Самери уже ничего собой не представляет как противник и окажется легкой добычей. – Риатис погрозил кому-то пальцем, улыбаясь. – Ан нет... Ошибочка вышла! Олухи! – громко хохотнул он.

– Н-да уж, – пробормотал я, пораженный.

– И ничему ведь их жизнь не учит! – продолжил, посмеиваясь, лиарх. – Ведь казалось бы, получили заслуженно по ушам, так отстаньте от добычи, что вам не по зубам. Но нет же... – Он укоризненно покачал головой, словно безмерно удивляясь людской глупости, и доверительно сообщил: – Приятели-то этих обормотов не усвоили урок и все грозят поквитаться за пострадавших дружков... Обещают ди Самери пойти на нее в следующий раз уже вчетвером. И с сетью.

– То есть у вас тут на каторге все замечательно? Беспокоиться об участии леди нечего? А что такие безобразия творятся – это так, ерунда?! – вспыхнул я, возмущенный откровениями лиарха до глубины души.

– Да какие же это безобразия? – с откровенным удивлением посмотрел на меня эйр Риатис. Покачав головой, он твердо сказал: – Нет, сэр Кэрридан, у нас все под полным контролем. – И назидательно добавил: – Какие-либо отношения у нас возможны только на добровольной основе. А за насилие в отношении осужденных охранник ли, надзиратель ли сам запросто может на каторгу угодить.

– Тогда как все это понимать? – нахмурился я, уже не понимая ровным счетом ничего.

– Как вмененное нам все тем же приказом Охранной управы максимально полное ознакомление ди Самери с каторжной жизнью и ее тяготами, – пожал плечами начальник каторги. – То есть суровую прозу жизни показываем ей, так сказать. Но реально девушке ничего не угрожало, так как она находится под неусыпным присмотром надзирателей, – заверил он.

– Ну и дела, – озадаченно почесав в затылке, пробормотал я.

И призадумался. Для чего это Ковану понадобилось спускаться в отношении златовласки такой приказ, явно рассчитанный на то, чтобы ее запугать?..

Эйр Риатис больше ничего не сказал, и мы молча дошли до его кабинета, расположенного на втором этаже. Мой спутник отпер лакированную дверь фигурным ключом, и мы прошли внутрь. Лиарх сразу ловко метнул фуражку на вешалку и, любезно предложив мне располагаться, сел за огромный стол черного дерева. Когда же я устроился напротив него на мягком стуле, потребовал удостоверяющие личность документы. Очень внимательно, без спешки ознакомился с ними, пока я разглядывал с претензией обставленный кабинет. Удовлетворенно кивнув, вернул со словами:

– Что ж, все в порядке. – И неожиданно подмигнул. Правда, тут же соизволил пояснить свое странное поведение, видя мой озадаченный взгляд: – Поздравляю, сэр Кэрридан, очень скоро вы получите эту прелесть, крошку ди Самери, под свою полную опеку.

– Под какую опеку? – тупо уставился я на собеседника. – Я же забираю ее на поруки.

– На поруки, на поруки, – подтвердил эйр Риатис. – Но при этом – под полную опеку! – откровенно заухмылявшись, уточнил он и опять подмигнул мне.

– Вы... вы с ума сошли, что ли? – ошеломленно спросил я, не в силах поверить в услышанное.

– А что же, ваш покровитель из Охранки не обрадовал вас сразу? – согнав с лица скебрезную ухмылку, озабоченно осведомился эйр Риатис.

– Ну Кован... – заскрипел я зубами, моментально сообразив, откуда растут ноги у всей этой затеи.

Уже мысленно я продолжил изливать обуявшее меня негодование. Подставил так подставил, гад! Ведь полная опека – это совсем не то же самое, что обычная! Отличается от обычной в первую очередь наличием права действовать во вред подопечному лицу. Опекун даже может его убить. И ничего ему за это не будет. Нет, бесспорно, раньше, когда Одаренные только-только создали ритуалы обретения талиаров и фамилиаров, в подобном статусе была несомненная нужда. Для жертв неудачных попыток приобретения чужих способностей: для людей, что, помимо силы или выносливости, получали еще и звериную суть, которая иногда могла взять верх над их человечностью... Вот только те времена давно прошли! Сейчас уже почти нет таких бедолаг, которых родные, выступающие в роли опекунов, в периоды буйства вынуждены заковывать в цепи, а то и умерщвлять, если они вырываются на свободу и начинают убивать. Да, теперь полная опека применяется совсем для иного. И используется в основном в отношении лиц женского пола! Отчего носит в народе совсем иное название. А именно – «бесправная любовница»! Потому что опекунами в полной опеке выступают, как правило, всякие богатеи да знатные лорды, возжелавшие обзавестись девушкой для постельных утех, изначально неспособной доставить каких-либо хлопот. Просто в силу отсутствия у нее права спросить за реальные либо вымышленные обиды... А все из-за того, что одно время развелось чересчур много умниц – свести близкое знакомство с маломальски зажиточным человеком, а потом обвинить его во всех смертных грехах и на пару с ушлым поверенным через суд лишить страдальца значительной части нажитого непосильным трудом состояния.

– Ах да, я же совсем позабыл, что вам нужно передать письмо! – легонько хлопнув себя раскрытой ладонью по лбу, негромко воскликнул эйр Риатис.

Выдвинув один из ящиков своего стола, он начал шустро в нем рыться. Быстро отыскал потребное и всучил мне письмо, скрепленное алой сургучной печатью с эмблемой Охранной управы.

Временно прекратив исходить на Кована желчью, я взял сие послание да не мешкая сломал грозную печать. Развернул письмо и погрузился в чтение.

«Приветствую вас, сэр Кэрридан! Надеюсь, вам передадут мое послание до того, как разнесете все там. Так вот, прошу вас воздержаться от опрометчивых поступков. Убедительно прошу не совершать глупостей

и не предпринимать попыток добиться освобождения леди Энжель без сопутствующих условий, а принять все как есть. И сразу же, предвидя ваше искреннее возмущение, объясню почему... Увы, но в наше соглашение о передаче леди Энжель ди Самери вам на поруки вмешалась третья сила в лице родственников покойного графа ди Сейта. Мы были вынуждены принять их условие освобождения девушки с каторги в обмен на прекращение вражды между семействами и отказ от преследования леди Энжель в дальнейшем. Здравое полагая, что «довесок» в виде кровной вражды не нужен ни вам, ни уж тем более леди Кейтлин... (Надеюсь, вы с этим согласитесь.) К тому же за подобную сговорчивость семейством ди Сейт поставлена, в общем-то, не самая высокая цена – вам всего лишь придется взять ди Самери под полную опеку. Да-да, именно под полную!

Рассчитываю на ваше благоразумие в этом вопросе, сэр Кэрридан. Искренне надеюсь, что вы не совершите роковой ошибки и не откажетесь из-за своего необычайно рыцарского характера пойти навстречу всем заинтересованным сторонам, желающим миром завершить длящуюся много лет кровную вражду между семействами ди Самери и ди Сейт, унесшую так много людских жизней, и уж тем более не втянете во все это ди Мэнс...

И еще один момент, сэр Кэрридан, который, возможно, поможет вам принять правильное решение. Несмотря на то что леди Энжель трижды перепроверена нашими лучшими менталистами на предмет отсутствия у нее желания каким-то образом навредить вам или леди Кейтлин, а также содержания в сокрытых областях ее разума низкоуровневых ментальных закладок – «подарков» от наших аквитанских друзей, я все же не могу унять своего беспокойства касательно того, что данная особа окажется вскоре близ вас и вашей невесты. Я постоянно задаюсь вопросом, почему мои коллеги так запросто выпустили из своих рук подготовленного мага боя в лице леди Энжель, даже не попытавшись ее остановить... Невзирая на явную самоубийственность такого поступка для ди Самери и, таким образом, бесцельную трату драгоценного времени и немалых средств на ее обучение и подготовку... Что-то здесь не так... Боюсь, вполне допустим такой вариант, что наш противник замыслил какое-то невероятное коварство... Ведь я, к моему превеликому сожалению, хотя и согласился с тем, что есть что-то в вашем предложении попробовать вытащить леди Энжель из Аквитании, все же с изрядным скепсисом отнесся ко всему этому замыслу, а потому счел лишней проведение сопутствующей операции сокрытия. Поэтому не исключено, что моими заморскими коллегами был достоверно установлен тот факт, что вы находитесь на свободе и никакая казнь вас не ждет. Что давало им возможность начать свою игру... К примеру, полагая, что действие, которое удалось однажды ее копии, тем более сумеет повернуть и сама ди Самери, они могли сделать ставку на еще одну любовную аферу. (На мой взгляд, это наиболее вероятно.) Главное, вас в нее втянуть, а там сразу появятся варианты развития сложившейся ситуации к их вящей выгоде. Но если ди Самери окажется под вашей полной опекой, то вольное или невольное использование девушки в таком плане против вас станет попросту невозможным. Иначе же, боюсь, попыткам втянуть вас через ди Самери в какую-нибудь аферу

не будет конца... А вам такая головная боль в доме, полагаю, совсем не нужна.

В общем, единственно верное ваше решение в данных обстоятельствах, на мой взгляд, – принять все как есть. И взять леди Энжель под полную опеку. Так явно будет лучше как для нее, так и для вас. Эрих Кован».

– Но Энжель же никогда не согласится на такое условие ее освобождения и ни за что не примет полную опеку! – с отчетливым отчаянием воскликнул я, порывисто поднимаясь и сминая прочтенное письмо.

– Не согласится поменять каторгу на свободу? – насмешливо хмыкнул эйр Риатис. Как-то по-отечески улыбнувшись, он проникновенно сообщил: – Сэр Кэрридан, знаете, кого у нас тут только нет среди осужденных... Есть и карманницы, и разбойницы, и мошенницы, и убийцы, и даже три контрабандистки. – Прервавшись на миг, лиарх выдержал интригующую паузу и убедительно завершил: – А вот дур... Тех нет ни одной! – И развел руками, словно выказывая, таким образом, искреннее сожаление по этому поводу.

– Нет! – от избытка чувств заходяв по кабинету туда-сюда, несогласно замотал я головой. – Нет, так нельзя! – Остановился как вкопанный в дальнем углу и решительно произнес, обращаясь к начальнику каторги: – Нужно сделать все иначе. Раз уж опека над леди Энжель необходима, давайте оформим не полную, а обычную.

– Нет, сэр Кэрридан, – не менее решительно ответил эйр Риатис, отстраняясь от стола и покачивая головой. – Боюсь, пойти на такой подлог я не могу. Ибо имею на сей счет прямой и недвусмысленный приказ. Полученный под роспись. Нарушать который, как сами понимаете, чревато. Так что если вас что-то не устраивает, то решайте вопрос со своим покровителем. А крошка ди Самери пока побудет у нас... – Сложив руки, лиарх с искренним недоумением признался: – Хотя не понимаю, что вас смущает в полной опеке.

С отчаянием прикинув, сколько времени займут возможные мытарства: поиски Кована, которого в столице может банально не быть, и всех прочих заинтересованных лиц, принимавших решение по данному вопросу, да попытки убедить их переиграть все – я чуть за голову не схватился. Это ж месяцы уйдут!

Неимоверным усилием воли взяв себя в руки, я резко выдохнул, разжимая судорожно стиснутые зубы. Малость успокоившись, решил не рубить сплеча, а для начала поговорить с Энжель. Объяснить ей сложившуюся не по моей вине ситуацию, успокоить и попросить еще немножко подождать освобождения с каторги.

Пока я так размышлял, ее и привели...

Кто-то коротко постучал. Приоткрыв дверь, в кабинет сунула голову женщина-надзирательница. Вопросительно посмотрела на эйра Риатиса, а тот сразу замахал ей рукой – давай, мол, сюда. Женщина исчезла. На миг. Затем дверь полностью открылась, и надзирательница вошла к нам. Введя под локоток сложившую руки за спиной и опустившую голову хрупкую девушку в сильно поношенном сером платье с парой тщательно, но несколько неумело заштопанных прорех, в старых, разбитых башмачках и в застиранном почти до белизны платке... Энжель... У которой было настолько осунувшееся, усталое лицо, что я немедленно проникся неимоверным сочувствием к ней.

– Осужденная четыреста один дробь семь по вашему распоряжению доставлена, – бодро отрапортовала словно и не замечающая угнетенного состояния девушки надзирательница.

Она несильно ткнула в бок молчащую понурившуюся Энж. Отчего та, неохотно раскрыв ротик, тихо выговорила с отчетливо пробивающимися нотками отчаяния в голосе:

– Осужденная Энжель ди Самери, убийство с отягчающими. Срок – двадцать лет.

– Свободны пока, – сказал эйр Риатис надзирательнице.

Кивнув и бросив строгий взгляд на Энж, женщина поправила пояс с висящей на нем короткой тонкой дубинкой, обмотанной крест-накрест серебряной нитью, несомненно, несущей какой-то эффлектор магического воздействия – скорее всего парализующий или ошеломляющий, и направилась к дверям.

Сглотнув вязкий комок, возникший в горле при виде измученной каторжной жизнью девушки, я тихо позвал:

– Энжель...

Та застыла. А затем медленно-медленно, словно не поверив до конца своему слуху и оттого боясь ошибиться и увидеть кого-то иного вместо меня, подняла голову. Но когда все же взглянула и удостоверилась, что в углу комнаты стою я... Ее изрядно потускневшие с момента нашей последней встречи голубые глаза полыхнули такой невероятной радостью и отчаянной надеждой... Что меня пробрало до самой глубины души. Я отчетливо осознал, что просто не смогу предложить Энжель остаться на каторге еще на какое-то время, пока улажу вопрос с ее опекой. У меня даже язык не повернется предложить ей такое.

«Нельзя, нельзя ни на мгновение более оставлять Энжель здесь! – взволнованно подумал я, когда сжавшееся сердце слегка отпустило. – Нужно любой ценой вытаскивать ее отсюда. Пусть даже и под полную опеку. С этим можно и потом что-нибудь придумать. Невелика беда, решу как-нибудь вопрос. Главное, что Энж при этом будет на свободе».

– Кэрридан!.. – неверяще произнесла девушка, смотря на меня во все глаза и подавшись мне навстречу.

Ну а я конечно же немедленно подался к ней.

– Сто-ять, – коротко, но внушительно обронил эйр Риатис, вынудив нас замереть на полушаге.

Громко кашлянув, лиарх привлек наше внимание. А когда мы устали на него, провозгласил:

– Леди Энжель ди Самери, сим официально уведомляю вас о том, что сэр Кэрридан ди Стайни испросил разрешения о передаче вас ему на поруки. И суд счел возможным его ходатайство удовлетворить. – Дав девушке мгновение на осознание сказанного им, что произошло в порывистом вздохе и брошенном на меня преисполненным невероятной благодарности взгляде, он продолжил: – Оговорив, правда, при этом, что забрать вас на поруки сэр Кэрридан может только при условии вашего перехода под его полную опеку.

– Под... под полную опеку?.. – замерев, совсем тихо и немного растерянно переспросила златовласка, очевидно знающая, что это такое.

– Да, – подтвердил эйр Риатис и преспокойно сообщил: – Что, как понимаете, невозможно без вашего на то согласия.

– Но... – робко заикнулась Энжель, растерянно переводя взгляд то на меня, то на начальника каторги и не в силах выбрать для лицезрения кого-то из нас.

– И никаких «но»! – мигом построжев, оборвал ее лиарх. – Либо вы отказываетесь от милостивого предложения суда и соответственно остаетесь у нас до окончания срока, либо принимаете полную опеку и сей же час покидаете нас с сэром Кэрриданом. Другого не дано. – Не дав девушке ни мгновения на размышления, он тут же спросил: – Так каково же ваше решение? Вы принимаете выставленное судом условие вашего освобождения с каторги?

Едва лиарх договорил, Энжель устремила на меня отчаянный взгляд своих небесно-голубых глаз. Прикусив нижнюю губку, быстро-быстро заморгала, явно сдерживая выступающие слезы. А затем, бросив чуть затравленный взгляд во двор, на стоящие ровными рядами металлические короба местного карцера, опустила глаза и, как-то странно обмякнув, едва слышно прошептала-вымолвила:

– Да...

– Вот и славно, – удовлетворенно кивнул эйр Риатис, заметно расслабляясь.

После чего перевел взгляд на меня и, залихватски подкрутив тонкий ус, торжествующе подмигнул. Как бы говоря этим: «Ну что я вам говорил?»

Я не оценил эту подначку по достоинству. Наоборот, она вызвала у меня исключительно отрицательные эмоции и нестерпимое желание дать кое-кому в рыло. Только силой воли и сдержался. Ограничившись лишь злым взглядом в сторону лиарха. Я быстро шагнул к златовласке, глаза которой уже были на мокром месте. Быстро бедненькую в лоб поцеловал и, прошептав:

– Успокойся, моя хорошая, успокойся... Я тебя не обижу... И никому обидеть не дам... – прижал к себе.

Энжель, чуть помедлив, приняла мои объятия. Молча уткнулась мне носиком в грудь и обеими руками обхватила чуть повыше пояса.

Так мы простояли минут пять, прежде чем златовласка успокоилась и перестала едва заметно подрагивать. Ей явно помогли мои теплые слова вкупе с ободряющим поглаживанием по узкой спинке.

– Я в порядке, Кэр, – тихо произнесла наконец она, осторожно отстраняясь, но не выпуская меня из объятий. И, подняв голову, слабо улыбнулась.

– Точно? – с изрядной толикой озабоченности спросил я, бережно стирая большим пальцем правой руки мокрые дорожки под ее глазами.

– Угу, – кивнула девушка и замерла, доверчиво принимая мою заботу.

В этот момент в кабинет без стука сунулся Оскар. Поглядел на меня с Энжель, на эйра Риатиса, а затем уведомил своего начальника о том, что прибыли все нужные для завершения моего дела люди.

– Давай, давай их сюда, – тотчас же распорядился начальник каторги, махнув рукой.

Вскоре прибывшие ввалились в кабинет. Какой-то судейский толстячок с помощницей – девушкой с постным лицом; сильно смахивающий на Бартинелли, только чуть постарше, младший магистратский советник с писцом – белобрысым пареньком с вороватым взглядом; унылый тощий мужичок – магистратский же поверенный; да двое немолодых свидетелей из числа уважаемых горожан. С ними вошли Оскар и еще один подчиненный лиарха, из Одаренных, судя по переливающейся зеленым и сиреневым серебряной фибуле с инкрустацией на форменном мундире.

Вся процедура, похоже, собравшимся была известна до мелочей, а потому рассусоливать они не стали. Помощница судейского и магистратский писарь сразу придвинули стулья к стоящему в кабинете лиарха огромному столу и, разложив принесенные с собой писчие принадлежности, устроились с разных его боков. Достали из сумок гербовые бумаги в немалом количестве и принялись заполнять, переноса в них нужные сведения из моих документов и тех, что были предоставлены эйром Риатисом. Остальные преспокойно расселись кто куда, мест хватало, и нет-нет с интересом поглядывая на меня с Энжель, стали молча ждать, когда пронзительно скрипящие перьями, строчащие с умопомрачительной скоростью писцы справятся со своей задачей.

А потом... А потом, когда основная часть работы была окончена и началось заполнение опекунской грамоты, от Энж потребовалось произнести ритуальную фразу. С чем златовласка замешкалась. Вскинув голову, она бросила на меня пронзительный взгляд лучисто-голубых глаз, словно пытаясь прочесть на моем лице нечто крайне важное для себя. Да так и замерла. Лишь потом, когда я ободряюще ей улыбнулся и успокаивающе погладил по плечу, она решилась. Собралась с духом и чуть подрагивающим от волнения звонким голосом произнесла:

– Я, леди Энжель ди Самери, находясь в здравом уме и твердой памяти, вручаю себя под полную опеку сэра Кэрридана ди Стайни...

«Ну вот все и вернулось к тому, с чего началось! – жизнерадостно провозгласил скалящийся бес и заявил с определенным злорадством и нескрываемым торжеством: – А я говорил тебе сразу, ослу, говорил! Чтоб ты не маялся дурью и эту лапочку из своих лап не выпускал! Ибо без твоей опеки эта глупышка пропадет! С тобой же будет как за каменной стеной! И, безусловно, окажется так тебе благодарна, так благодарна... Что из твоей постели ее не выгонишь и палкой! А ты не послушался, осел... Побоялся ответственность на себя взять! Устыдился соответствующую плату нежной девичьей лаской за свое благодеяние по обустройству ее судьбы принять! И к чему все в итоге пришло? А? – Скрестив лапки на груди, он фыркнул и припечатал: – Только голову, получается, морочил и ей, и себе!»

«Вообще-то, помнится, поначалу ты убеждал меня, что Энжель мне даром не нужна, а потом и вовсе предлагал ее продать, а не оставить себе, советничек демонов», – уязвленно огрызнулся я.

«Так это я только для подначки!» – поспешил откреститься от имевших место быть советов смутившийся рогатый.

Я только глянул на него саркастично. На этого редкостного златолюбца, который, что бы он сейчас ни говорил, точно продал бы тогда долговые обязательства Энжель. Просто не удержался бы от соблазна махнуть какие-то никчемные бумажки на целую кучу звонких монет драгоценного желтого металла.

Впрочем, я не стал развивать эту тему и устраивать препирательства с нечистью. Ведь дело, по которому мы все здесь собрались, уже близилось к завершению. Писари заполнили надлежащие бумаги, свидетели и чинуши их подписали, печатей, в том числе магических, на них еще наклепали да передали мне опекунскую грамоту. Вернули мои документы, присовокупив к ним заодно и те, что принадлежали Энжель. На том основные формальности и закончились. Не прошло и четверти часа.

Осталось последнее. Для чего, собственно, тут и понадобился Одаренный.

Пока я аккуратно складывал и убирал все полученные бумаги в суму, маг достал из переданной ему эйром Риатисом шкатулки черного дерева браслет белой стали. Браслетик даже. Изящный. В виде плетеной цепочки и узкой, полированной до зеркального блеска пластинки с искусно выгравированной на ней, так и притягивающей взгляд золотистой надписью. Которая гласила, что владелица сего украшения находится под полной опекой сэра Кэрридана ди Стайни, рыцаря Империи из города Кельма.

Этот изящный браслетик с одним раскрытым звеном маг и попытался нацепить на левую руку Энж. Безуспешно, правда. Во всяком случае, поначалу. И дело вовсе не в том, что браслет оказался девушке мал. Просто на ее руке, после того как она сдвинула рукав, обнаружилось не менее интересное украшение. Гораздо более объемное. Широкий массивный наруч старой бронзы, испещренный источающими багровое свечение рунными знаками. Не иначе магический эффектор, подавляющий способность к поглощению жизненной энергии, которой обладает Энжель благодаря своему необычному талиару.

Немного повозившись, маг все же сумел пристроить еще одно украшение на ручке девушки. Нацепил узкий браслет на тонкое запястье и сомкнул единственное звено пришедшейся точно впору вещицы, соединив его с остальными. А затем напился энергией это, так сказать, украшение.

Коротко полыхнули желтым сиянием руны Укрепления, нанесенные на каждый предмет браслетика, и растворились, утонули в заблиставшем металле, который обрел невероятную прочность в результате этого действия. Теперь украшение так запросто не снять. Даже кузнечным зубилом не сбить. Понадобится что-то поэффективней... Например, пилка с алмазным полотном. Да и с той придется провозиться не час и не два, а как бы не пару дней.

– Ну вот и все, – придиричиво осмотрев дело рук своих и отстранившись, удовлетворенно произнес маг.

Он захлопнул опустевшую шкатулку, двинул ее по столу в сторону эйра Риатиса и, кивнув ему, направился к двери.

– А снять безделушки, сковывающие способности леди? – недоуменно нахмурился я, останавливая Одаренного, явно решившего, что его присутствие тут больше не требуется.

– Снять? – как мне показалось, вызвал у него искреннее изумление мой вполне уместный и закономерный вопрос.

Да и остальных мои слова привели в некоторое замешательство. Зашевелились все, переглядываться начали. А эйр Риатис с откровенным удивлением спросил:

– Зачем?

– За надом! – не сдержавшись, сердито отрезал я. Столь дурацкий вопрос меня буквально взбесил.

– Но сэр Кэрридан, ведь это определенно принесет вам лишь ненужные хлопоты и может помешать исполнению обязанностей опекуна. Ведь случись что, вы же не совладаете с магессой с нескованным Даром. К тому же имеющей такого невероятного талиара! – попытался отговорить меня эйр Риатис от явно опрометчивого, по его мнению, замысла.

– Это уж мне решать, с чем я совладаю, а с чем нет, – холодно оборвал я его. И утверждающе обратился к Энжель, приобняв ее и погладив по плечу: – Правда ведь?

На что та, робко улыбнувшись, несмело кивнула.

– Вы неправы, сэр Кэрридан... – предпринял было еще одну попытку достучаться до меня начальник каторги.

Но я и слушать не стал. Отмахнулся просто и обратился к магу, коротко велел:

– Снимайте.

Маг, покосившись на замолчавшего и отворотившего голову лиарха, пожал плечами и снял с Энжель все магические эффекторы подавления способностей. Сначала драгоценное ожерелье, отсекающее Дар, с тонкой девичьей шейки, а затем, повозившись чуть подольше, и бронзовые браслеты-подаватели с ее рук.

– Вот теперь все, – удовлетворенно кивнул я.

Помявшись, все потянулись к выходу из кабинета. Все, включая эйра Риатиса. Придержав меня, он достаточно громко, чтобы его расслышала и Энжель, шепнул:

– На случай если у вас возникнут какие-то трудности с вашей подопечной, сэр Кэрридан... Хочу напомнить, что вы имеете полное право в любой момент отказаться от опеки и вернуть данную особу к нам.

Высказанное начальником каторги напутствие заставило Энжель ощутимо вздрогнуть и прижаться ко мне покрепче. Погладив девушку по плечу, я так глянул на лиарха, что тот стушевался и резко передумал идти с нами. Он попятился назад в кабинет, наказав Барти-нелли:

– Оскар, проводи сам наших гостей.

Так всей толпой, ведомой Оскаром, похоже, решившим нас одним гуртом выдворить с каторги, мы вышли из здания и направились напрямик к расположенной у самых ворот конюшне. Вернее, к стоящему рядом с ней малому дилижансу, на котором прикатили из города чинуши. Жаль только, транспорт этот оказался рассчитан лишь на восемь человек и соответственно свободным в нем было всего одно место.

Впрочем, я быстро решил эту проблему, поскольку не желал оставлять бедняжку Энжель, которая все никак не могла прийти в себя, одну. Просто взял и поменял место в дилижансе на своего коня. Паренек, магистратский писарь, охотно согласился на такую выгодную сделку. Да и я не считал себя оставшимся внакладе. Конь мне все равно уже ни к чему: верхом мы в Римхол не поедим, карету найдем. Энжель же нужно отдохнуть, восстановиться после всех тех невзгод, что она перенесла на каторге.

Из-за необходимости забрать свое оружие – его-то я, в отличие от седла, вместе с конем не отдавал – так вышло, что в дилижанс мне выпало усаживаться самым последним. Ну и соответственно я не смог промолчать и не сказать на прощанье улыбающемуся Оскару ободряющее:

– А насчет ваших чинуш, промышляющих мздоимством, вы не переживайте. Я обязательно займусь этим вопросом в свободное время.

– Да забудьте, сэр Кэрридан, – махнул рукой Оскар, даже не дрогнувший лицом, и испустил лицемерный вздох: – Кому только на них не жаловались... Все без толку!

«А я тебе говорил! Говорил, что их наверняка прикрывает кто-то на самом верху!» – не преминул тут же поддеть меня завозившийся бес.

– Так я не собираюсь на них жаловаться, – снисходительно бросил я, уверившись в том, что Бартинелли, похоже, не знает, с кем связался, иначе бы не действовал с такой откровенной наглостью. – Просто при следующей встрече попрошу у нашего милостивого императора разрешения откупить у казны Коуридж. Дабы превратить его в свое ленное владение, – доверительно сообщил я, делясь своими планами. – Городок все же не шибко большой и важный, так что, думаю, его величество легко пойдет мне навстречу. Ну а потом передам Коуридж своей невесте, леди Кейтлин ди Мэнс, прозванной в народе Справедливой за необычайную любовь к карательному правосудию. – Помолчав мгновение, любясь на вытянувшуюся рожу Оскара, явно где-то что-то слышавшего о громких свершениях одной запредельно стервозной демоницы, я глубокомысленно заключил: – И пусть тогда ваши чинуши сами жалуются куда хотят.

Оставив разинувшего рот Оскара стоять столбом, я быстренько забрался в дилижанс и был таков.

«Ты что, правда собрался прибрать к рукам этот городок? – поинтересовался не на шутку оживившийся бес и тут же предложил: – Лучше уж тогда выклянчить у императора эту прибыльную каторгу!»

«Да на кой мне этот Коуридж? – поспешил я отделаться от рогатого, прежде чем он допечет меня своими ценными советами. – Деревня ведь деревней! А вокруг – редкая глухомань. – Я криво усмехнулся: – Просто теперь из-за моей подначки этих вымогателей ждет немало бессонных ночей. По мере выяснения обстоятельств дела и знакомства с подвигами моей ненаглядной невесты. – Да с притворным сочувствием вздохнул: – Правду говорят, что во многих богатствах заключены многие печали».

– Н-но, пошли! – прикрикнул меж тем щелкнувший кнутом возница.

Дернувшись, дилижанс покати́л прочь. А я, откинувшись на спинку мягкого сиденья, наконец огляделся. Увиденное, к сожалению, в восторг меня не привело. Спутники сидели молча, словно понабрав в рот воды, и беспрестанно косились на Энжель, бросая взгляды то на нее саму, то на приметное украшение на ее левом запястье.

Кто-то с искренним сочувствием посматривал – как девушка, помощница судейского, кто-то с отчетливым осуждением – как один из свидетелей, добропорядочный горожанин, а кое-кто даже и со снисходительным торжеством – как магистратский советник, всякий раз с явным удовольствием отмечающий взором наличие белого браслетика на левом запястье благородной леди. Это спустя какое-то время привело к невольной попытке Энжель втянуть руку под рукав платья и спрятать под ним так притягивающую чужие взгляды вещицу. Правда, это не слишком-то помогло. Потому что теперь все косились на ее рукав. Как бы намекая тем самым: они прекрасно знают, что под ним сокрыто.

Прищурившись и пообеда взглядом местных, я покачал головой. Однако не стал бросаться осуждающими словами, как вознамерился было поначалу. Всем хватило моего пристального взгляда, чтобы смешаться и заерзать на сиденьях.

Удовлетворенный этой картиной, я ничего так и не сказал, а просто приобнял правой рукой Энжель и бережно прижал к себе. Дабы она не чувствовала себя одинокой и беззащитной. Девушка на это отреагировала признательным взглядом.

Так до самого Коуриджа все молча и ехали – никто словечка не проронил. А во что-то вылиться затянувшееся молчание банально не успело. От городка-то близлежащего женская каторга совсем недалеко отстоит. Докатили мы до него меньше чем за четверть часа.

Когда миновали не шибко обременяющую себя исполнением должных проверок стражу у ворот, я сам затеял разговор. Поинтересовался у местных насчет приличного места – таверны там или постоялого двора, где сдаются комнаты и притом есть купальня. Меня наперебой начали просвещать. Говоря, впрочем, одно и то же. Коуридж-то невелик. Более-менее приличных заведений, похоже, всего одно. С довольно помпезным для такой глухомани названием – «Золотой орел».

Из природной вежливости я поблагодарил мздоимцев и вольных или невольных соучастников их аферы. Те, перестав тяготиться нашей компанией, заметно расслабились. Судейский даже, сдвинув находящуюся позади него заслонку, закрывавшую небольшую дыру-окошечко, обратился к вознице с требованием остановить дилижанс у «Золотого орла».

Возле таверны мы были уже через неполный десяток минут. Часть этого времени, кстати, ушла не на езду, а на то, чтобы высадить свидетелей-горожан у какого-то кабака. Домой они не слишком торопились, видимо, сочтя свое сегодняшнее дело по заверению опекунских грамот достойным для собственных жен оправданием долгого отсутствия и возвращения в изрядном подпитии.

Таверна «Золотой орел» располагалась в самом центре Коуриджа, на крохотной площади прямо напротив городского магистрата. Его-то, по обыкновению возвышающегося над всеми окрестными зданиями, с большущими часами на башне и увенчанного высоченным тонким шпилем, ни с чем не спутаешь.

Выбравшись из дилижанса, я быстро пристроил свое оружие по-походному за плечами, взял суму в левую руку, а правую подал леди. Она вложила пальчики в мою ладонь, и я как подобает подсобил вылезти благородной девушке. Правда, в результате моей помощи белый браслетик оказался всему миру из-под натянувшегося рукава каторжного платья. Ну да это не великая беда – Энжель было достаточно просто одернуть его, чтобы украшение исчезло из виду. Хотя, конечно, скрывать сию вещицу, указывающую на вполне определенный статус ее обладательницы, законом воспрещается.

Впрочем, я не заострял внимания на этом моменте. Задумался просто, медленно-медленно закрывая дверцу дилижанса и отрешенно глядя при этом на Энжель. Та чуть смутилась даже. Быстро отведя правую руку от злосчастного левого рукава, девушка вопросительно посмотрела на меня. Да еще губку нижнюю краешком жемчужных зубок прикусила с определенным волнением, не иначе как ожидая требования перестать прятать от посторонних глаз увенчавшую ее левое запястье вещицу.

– Да ты заходи, заходи в таверну, – спохватившись, сказал я совершенно неправильно истолковавшей мой взгляд златовласке. И предложил, здраво рассудив, что она не меньше меня желает окунуться в бочку с теплой ароматной водой: – Скажи там сразу, чтобы купальню приготовили да накрывали на стол. И пусть ставят побольше, побольше всего...

Внимательно выслушав, Энжель кивнула. Поблагодарив меня преисполненным признательности взором за явное дозволение не раскрывать всем встречным тот отчаянно смущающий ее статус, в котором она теперь пребывает, еще раз одернула прикрывающий белый браслетик левый рукав платья – чтобы уж наверняка, и направилась к большому, округлой формы крыльцу таверны. Я же, взмахом руки придержав возницу, двинулся к нему. С целью поинтересоваться, возможно ли нанять дилижанс для поездки в Римхол.

Однако, даже затеяв разговор с кучером, представившимся Томом, я продолжил искоса приглядывать за златовлаской. Невесть почему категорически не хотелось упускать ее из виду. Словно если это вдруг случится, я больше не увижу Энжель никогда...

«Лучше бы не отпускал ее от себя, – подумалось еще мне вдруг, когда девушка начала подниматься по ступеням. – Вместе бы зашли».

Впрочем, я тут же отмахнулся от собственнических помыслов – а никак иначе и не назвать возникшее побуждение всегда держать красавицу-златовласку при себе и ни на шаг ее не отпускать. И продолжил общаться с кучером, задавая ему наводящие вопросы. Взял себя в руки, значит. Но, несмотря на отсутствие каких-либо препятствий с моей стороны, войти в таверну Энжель так и не смогла... В тот момент, когда она поднялась на крыльцо «Золотого орла», туда же, распахнув дверь, из помещения вышли двое дюжих плечистых парней-вышибал. Шут его знает зачем. Может, свежим воздухом подышать.

Один из них, тот, что с виду помоложе, неожиданно преградил Энжель путь, грубо гаркнув при этом:

– Куда? Стоять! Ты куда прешься? «Золотой орел» – приличное заведение, всяким бродяжкам вход в него заказан!

Растерявшаяся под таким напором девушка остановилась и, подняв голову, удивленно на него уставилась. Вышибала хмыкнул, должным образом оценив ее красоту, и, сбавив тон, снисходительно пояснил:

– Не спорю, ты сама, конечно, ничего так крошка, смазливенькая на мордашку, но в целом видок у тебя в этой рванине не очень. – Быстро переглянувшись со вторым вышибалой и облизнув губы, деловито добавил: – Могу разве что через задний вход на кухню запустить и накормить. Да одежонку поприличней тебе подобрать. – Он подмигнул. – Это, правда, сама понимаешь, не совсем бесплатно... А за кое-какую благодарность с твоей стороны. Ну, ты сама понимаешь какую.

Мало того, детина еще и попытался ухватить попятившуюся девушку за руку.

– Да куда ты, стой! Сговоримся, не обижу!

Больше он не успел произнести ни слова. Всхрюкнул только, переломившись пополам, когда я, одним рывком переместившись от дилижанса на крыльцо таверны, резко пробил ему под дых. Схватившись обеими руками за брюхо, этот урод упал на колени, а затем и вовсе попытался повалиться на бок. Только не смог. Я успел схватить его за ворот и вздернул на ноги. Не из заботы какой-то, конечно, а с целью врезать еще и в рыло. Дважды.

Встряхнув этого горе-вышибалу, как нашкодившего щенка, я злобно прорычал:

– Ты как смеешь, скотина, так разговаривать с благородной леди? Да еще тянуть к ней свои грязные лапы?

Ответить, увы, детина не смог, продолжая пребывать в полной прострации. Встряхнув его еще пару раз и не добившись ничего, кроме безвольного мотания головой и разбрызгивания по сторонам кровавой юшки, я отбросил от себя наглого уroda, закатившего глаза. Переведя не предвещающий ничего хорошего взгляд на его приятеля, отчего-то и не подумавшего вступить за друга.

Задать пару ласковых вопросов второму вышибале помешал лишь случай. Случай в виде высыпавших на крыльцо городских стражников во главе с десятником. Оружных и dospешных. Столовались, наверное, в «Золотом орле», заглянув в таверну во время патруля.

Хотя стражников было всего четверо, их появление заставило меня слегка охолонуть и поумерить свой пыл. Собратья все же мои по оружию. Коуридж ведь коронный городок.

Стражники, увидев творящееся на крыльце безобразие, соплей жевать не стали. Один, повинаясь взмаху руки десятника, бросился к битому мной вышибале, распластавшемуся окровавленной тряпкой на ступенях крыльца, а еще двое оттеснили меня от другого – кото-

рому от меня еще не досталось. А сам седуусый десятник грозно спросил, оглядывая всех нас:

– Что здесь, Темный вас заберу, происходит?

Надо отдать должное второму вышибале, он быстро сообразил, что к чему, и покрывать выходку приятеля не стал. Угрюмо буркнул, отводя взгляд от моего золоченого рыцарского пояса:

– Джереми попутал что-то и совсем уж неподобающим образом обратился к леди... Вот и выхватил...

– Он что, совсем с головой не дружит? Или захотелось отведать кнута на площади за оскорбление благородной дамы? – озадаченно воззрился на вышибалу десятник. Внезапно сощурившись, он обшарил парня взыскующим взглядом и отрывисто спросил: – А не дурью ли вы какой закинулись?

– Не-не, никакой дурью мы не закидывались! – резко помотал головой вышибала, отмечая грозящие потерей работы подозрения. – Говорю же – попутали просто, – вздохнул он покаянно, вновь покосившись на мой пояс.

– Хм... – протянул нахмурившийся десятник и, глядя на сделавшего наичестнейшее лицо парня, задумчиво потер гладковыбритый подбородок.

Повернувшись, седуусый внимательнейшим образом обшарил взглядом уже меня, брезгливо стряхивающего с перчатки кровь. Отметив наличие рыцарского пояса, кашлянул и вопросительно обратился, предлагая представиться:

– Сэр?..

– Сэр Кэрридан ди Стайни из Кельма, – не стал чиниться я.

– Аж из самого Кельма? – малость наигранно удивился десятник и покачал головой. – Эка вас занесло.

– Так вышло, – пожал я плечами, не став вдаваться в причины своего появления в Коуридже. Не дожидаясь соответствующего вопроса, который обязательно должен был последовать, сказал: – Все было так, как говорит этот парень.

Седуусый десятник заколебался, с прищуром уставившись на меня и придвинувшуюся поближе ко мне златовласку. Задумчиво покусал ус, глядя на мой не внушающий почтения затрапезный вид, явно вызывающий определенные сомнения... На Энжель взгляд перевел. Даже головой осуждающе покачал, глядя на ее убогий наряд. Тем не менее высказывать сомнения в том, что стоящая перед ним девушка – настоящая леди, не стал. Хватило ему вида того, как гордо она себя держит в таком рванье, словно бы не замечая, во что одета, чтобы понять: перед ним действительно девица благородных кровей. Только те так могут.

– Все было так, как говорит этот парень, – повторил я, желая покончить уже со всем этим.

Ну и дабы помочь десятнику принять правильное решение, коснулся своего левого предплечья кистью правой руки и дважды провел по рукаву сверху вниз, как бы стряхивая несуществующую соринку. Прямо там, где под одеждой сокрыта так и не сведенная до сих пор магическая татуировка в виде увенчанного крохотной короной щита с мечами.

– Ну если так... – озадаченно хмыкнул десятник, в глазах которого мелькнуло отчетливое удивление при виде поданного мной тайного знака, означающего принадлежность показавшего его к коронной страже. Не дождавшись ни от меня, ни от вышибалы больше ни слова, он разгладил усы и решительно постановил: – Если так, то дело ясное. Помогите своему приятелю, Харли, – велел десятник стоящему на ногах вышибале и спросил у меня: – Жалобу на него подавать будете?

Покосившись на отрицательно качнувшую головой Энжель и чуть подумав, я махнул рукой:

– Нет. Леди его прощает. – Покосившись на Джереми, так и не пришедшего в себя, добавил без малейшего сочувствия: – А я – я уже выразил ему свое недовольство.

Сочтя, что более нам тут задерживаться незачем, я подобрал брошенную суму и спокойно прошел к двери мимо стражников, незамедлительно освободивших мне путь. Придерживая распахнутую створку, чуть отступил в сторону, дабы поспешившая следом за мной Энжель могла невозбранно прошмыгнуть в зал «Золотого орла». А после уже и сам вошел, подумав при этом, что надо бы озаботиться приличной одеждой для златовласки. Во избежание попадания в подобные ситуации.

Прислуга в единственной приличной коуриджской таверне была вышколена куда лучше вышибал. Ну или глаз имела понаметаннее... Потому как, нисколько не смутившись нарядом Энж, действительно более подходящим бродяжке, нежели леди, немедленно метнулась к нам. Причем рванулись аж трое, но две девушки из прислуги почти сразу остановились и вернулись скучать к стойке бара, поняв, что не дано им опередить затесавшегося в их компанию паренька худощавого телосложения, оказавшегося самым шустрым. Уже пару мгновений спустя он согнулся возле меня в угодливом поклоне:

– Чего изволите, благородный сэръ?

Я хмыкнул, глядя на этого расторопного и явно неглупого паренька, нацепившего белый фартук поверх легкой одежды и щеголяющего с полотенцем на сгибе левой руки. Он тотчас принялся поедать меня преданным взглядом в ожидании моего решения, при этом старательно игнорируя присутствующую рядом Энжель. Как бы подчеркивая тем самым, что это уж точно не его дело, кого привел обладающий рыцарским поясом посетитель. Хоть даже выглядящую сущей нищенкой девушку. Лишь бы платил.

Обведя взглядом не заполненный и на четверть зал, я еще раз хмыкнул и начал лаконично излагать свои пожелания:

– Купальню. Леди. Мне. Две хорошие комнаты по соседству. И мечите на стол поесть. Пока – что приготовлено, а там определимся. – Придержав собравшегося было метнуться исполнять мой заказ паренька, спросил: – Да, кстати, в вашем городке есть приличный портной?

– Разумеется, сэръ, – кивнул парень.

– А хороший скорняк? – продолжил я расспросы.

– Тоже есть, – уверенно ответили мне.

– Тогда отправь кого-нибудь за ними, – практически не задумываясь, велел я.

Ну а что? Не самим же нам, уставшим таким, бегать по швейным и скорняжным лавкам в поисках нужных мастеров. Да и пора мне уже привыкать к своему благородному статусу и соответствующим ему привилегиям, пора...

Разобравшись с самым насущным, так сказать, я помог Энжель усесться за одним из свободных столов. У окна. Повесив дорожную суму на спинку стула, сам за ним же расположился, устроившись прямо напротив девушки. Чтобы удобней было общаться за трапезой. Поговорить-то нам нужно о многом.

Правда, разговор поначалу не клеился – ну никак мне не приходило в голову, с чего, собственно, начать... А Энжель – Энжель, аккуратно сложив ручки на расстеленной на коленях салфетке, не спешила сама затевать расспросы. И вообще, судя по голодному блеску ее глаз, неотрывно следящих за серебряным блюдом с обложенной зеленью жареной птицей, которое девушка-прислуга вынесла из кухни, и тому искреннему разочарованию, что отчетливо проступило на лице Энжель, когда выяснилось, что это яство направляется не к нам, а к дальнему столу, занятому небольшой компанией, ей больше хотелось есть, чем говорить.

– На каторге было совсем плохо с едой, да? – тихонько обратился я к спутнице, с жалостью глядя на то, как она сглотнула в момент, когда большое блюдо с запеченным целиком гусем опустилось на чужой стол.

– Да нет, в целом кормят там достаточно сытно, – быстренько отводя взгляд от такого притягательного жаркого, ответила явственно смутившаяся девушка. Немножко вымученно улыбнувшись, уточнила, видя нарисовавшееся на моем лице непонимание того, отчего же тогда она так голодна: – Просто для этого нужно достаточно хорошо работать.

– Что значит «достаточно хорошо работать»? – сдвинув брови, недоуменно переспросил я.

– Ну, к примеру, тот, кто не исполняет дневной урок, остается без ужина, – пояснила потупившаяся Энж.

– И ты часто без него оставалась? – сочувственно молвил я, догадываясь, что так оно и было.

– Часто, – подтвердила девушка, устремив взгляд на свои руки, теребящие салфетку. – Просто я совсем непривычна к такой работе, – тихо-тихо произнесла она, вроде как оправдываясь передо мной.

«Ну это и неудивительно, – подумал я. – Откуда взяться умению выделывать кожу и красить ткань у юной леди?» Поборов возникший в горле спазм, я с искренним участием спросил:

– Что, совсем тяжело тебе приходилось?

Энж, не поднимая глаз, кивнула. А потом, помолчав, поделилась:

– Самое жуткое – это когда на дубильные чаны ставят. Устаешь вроде и не сильно, а алхимическим реагентом так надышишься, напитаешься, что потом целую ночь уснуть не можешь, потому что все кости ломит, как от стылой лихоманки. – Поежившись, она прошептала: – Хорошо хоть на эти чаны чаще, чем раз в три дня, не ставят.

– Да уж, – только и смог сказать на это я.

Не сдержав охвативших меня чувств, протянул руку, ободряюще коснулся плеча Энж и ласково погладил ее. Получив в ответ благодарную улыбку и тихое:

– Спасибо.

– А что же выходные? Разве после особенно тяжелой работы каторжанкам не дают отдохнуть? – спросил я.

– Выходные? Какие еще выходные? – несказанно удивилась, вскинув на меня взгляд, девушка.

– Ну, мне старший триарх... этот, как его... Оскар Бартинелли... говорил, что полагаются они каторжанкам, дескать... вроде как, – попытался растолковать я, но в итоге смешался и растерянно уставился на недоуменно хлопающую глазами девушку.

– А, эти выходные, – кивнула златовласка, похоже, наконец-таки сообразив, о чем идет речь. – Один, Кэр. Каторжанкам полагается всего один выходной в год, – чуть кривовато улыбнувшись, сказала она. – Поэтому многие там свой срок заключения не в годах, а в выходных днях исчисляют...

– А что насчет праздничных дней? – перебил я ее, начиная подозревать, что просвещавший меня о каторжных порядках Бартинелли слишком уж все приукрасил. Или, вернее, просто умолчал о многих важных моментах, все сильно меняющих в нарисованной им благодатной картинке.

– Их немного, – вздохнув, пожала плечами девушка. – Да и сокращенный двенадцатичасовой день лучше, конечно, обычного, четырнадцатичасового, но не так чтобы сильно.

– Нет, в самом деле, в Надзорном ведомстве порядочные люди не служат! – возмущенно произнес я, озлившись на себя, доверчивого лопуха, и на этого брехуна Оскара. С трудом погасив обуявшую меня злобу, буркнул: – Мало того что обременяют слабых женщин тяжелой многочасовой работой, не давая им никакого отдыха, так еще и не кормят толком.

– Это каторга, Кэр, – без тени улыбки заметила Энж и теперь сама уже успокаивающе коснулась рукой моего плеча. – Да ничего, жить там все же можно. Даже если оставаться

без ужина. – Но прозвучали ее слова не слишком-то уверенно, и, поняв это, девушка добавила: – Ведь ночь можно и перетерпеть, а для восполнения сил вполне достаточно сытных завтрака и обеда.

На что я довольно скептически хмыкнул. Ибо говоря все это, Энжель не удосужилась убрать голодный блеск из своих глаз... Да и как ни крути, а заметно осунулась она за время, проведенное на каторге. Значит, ее питание было явно недостаточным.

– Нет-нет, Кэр, правда! – попыталась убедить меня златовласка. – Остаться без ужина несколько раз в неделю – это ерунда! А вот... – Смущенно запнувшись, она замолчала.

– А что тогда не ерунда? – насторожился я.

– Ну... – замялась поначалу Энж. – Просто я ведь большую часть времени в карцере провела... А там из еды только хлеб да вода, – потупившись и вздохнув, все же сказала она.

– Ты? В карцере? За что?! – возмутился я, проникаясь острым желанием вернуться на Коуриджскую каторгу и жестоко покарать того, кто додумался сунуть бедняжку златовласку в этот их металлический ужас – карцер, явно имея поводом лишь желание поиздеваться над ней.

– Ну... Много за что... – попыталась уйти от ответа явно не желающая развивать эту тему Энжель. – Просто я, как это там называется, – вечная залетчица... – видя, что я не отстану, с покаянным вздохом созналась она, чуть при этом покраснев.

– Ты – залетчица?! – обалдело разинул я рот, не в силах поверить в услышанное.

В голове просто не укладывалось, что такая лапочка, как Энжель, вела себя на каторге так, что ее на вполне резонных основаниях отправляли в карцер.

– Угу, – подтвердила, не смея на меня и глаз поднять, девушка, водя указательным пальчиком по столу.

– И что же ты там такое творила? – любопытствовал я, придя в себя после такого шока.

– Да ничего особенного, – заверила она. Но потом все же начала со стеснением перечислять: – День карцера мне дали за нарушение режима... это когда я подъем во второй раз проспала и ни на завтрак, ни на работу не пошла... Три – за злостное вредительство... когда не в тот чан алхимический реагент весь день таскала... Целую неделю – за драку с другими осужденными... Ну, там я совсем не виновата была – тогда одна гадина из старожилов меня милым котенком назвала и попыталась за щечку потрепать... вот... А... а в последний раз меня вообще отправили в ящик на месяц.

– На месяц-то за что? – совсем уж растерянно спросил я, впечатленный подвигами златовласки.

– Да был там один неприятный случай с охранниками, – пожала плечами девушка и, замкнувшись, вздохнула.

– Постой, – нахмурился я. – Это ты говоришь не о том ли случае, когда к тебе какие-то служивые из внешней каторжной охраны привязались?

– Да, – кивнула Энжель, немного удивившись тому, что мне обо всем этом вообще известно.

– И за что же тогда тебя в карцер-то? За то, что совершенно правильно поступила, вырубив начавших распускать руки уродов? – вознегодовал я.

– Нет, – отрицательно помотала головой златовласка. – За то, что я их вырубил, начальник каторги ни словом меня не попрекнул. Сказал, так им и надо. А меня отправил на месяц в карцер совсем за другое – за неподчинение законным требованиям охраны.

– За какое еще такое неподчинение? – непонимающе воззрился я на нее.

– Ну, за то, что не осталась стоять, не рыпаясь, как мне было сказано этими двоими, – мило шмыгнув носиком, доверительно сообщила Энжель.

«Ну эйр Матиас Риатис... Если встретимся еще когда-нибудь с тобой, точно морду тебе набью! Прямо от души!» – обозленно подумал я.

Опять погладив бедненькую Энж по плечу, утешил ее:

– Ну ничего-ничего, моя хорошая, все уже позади.

Мои слова заставили воспрянуть духом погрузившуюся в не слишком-то радостные воспоминания златовласку. Тоска ушла с ее чела, и девушка, чуть улыбнувшись, благодарно коснулась пальчиками моей руки.

Так как-то сам собой наш разговор и затух. И не разгорелся вновь уже по вине прислуги, притащившей нам целый огромный поднос всякой всячины на любой вкус. Все внимание голодной девушки немедленно сконцентрировалось на еде. Да и я, признаться, отдал должное здешней кухне. Ну а потом и вовсе не до разговоров стало. Встретивший нас паренек подскочил, дабы уведомить о том, что уже можно посетить купальню. Куда сразу же поспешила умчаться Энжель, даже не доев утащенную с блюда на тарелочку картофельную тарталетку. Помыться, очевидно, златовласке хотелось не меньше, чем поесть.

Я же никуда торопиться не стал. Спокойно доел куриную ножку, глотнул вина. Потом неспешно поднялся на второй этаж таверны и осмотрел приготовленные нам комнаты. В одной из них бросил оружие да снял доспех. Достал из сумы сменную одежду и лишь затем отправился в купальню.

Хорошенько помылся, воспользовался услугами брадобрея, переоделся в чистое... В общем, привел себя в порядок и вернулся в зал. Где, как я и надеялся, меня уже дожидались. В «Золотой орел» появился заинтересовавшийся моими расспросами о найме дилижанса Том... Ну да с ним мы недолго сидели – быстро сошлись в цене и ударили по рукам. Кучер, получив на руки задаток в виде золотого ролдо, клятвенно заверил, что вернется завтра поутру с дилижансом, и исчез. А я остался дожидаться все еще плескающуюся в купальне Энжель.

Спустя полчаса и пару бокалов вина мне это надоело. Велев подскочившей по взмаху руки прислуге показать леди ее комнату, когда она накупается, и туда же препроводить портного и скорняка, когда они явятся, я отправился к себе. Дабы немножко отдохнуть, на кровати поваляться. А то так в сон клонит, что просто сил никаких нет...

Поспать спокойно мне, понятно, не дали. Разбудили сразу же, едва я, кажется, сомкнул глаза. Это Энжель ко мне заглянула, намереваясь узнать, сколько мы еще пробудем в Коуридже, чтобы сориентировать пришедшую к ней с помощницами портниху.

С трудом оторвав голову от подушки и кое-как открыв один глаз, я ответил златовласке, что отбываем мы завтра утром. Понятно, что ничего достойного леди за это время не пошлет даже самая проворная мастерица, но время не терпит. Потому пусть она пока закажет себе хотя бы обыкновенное дорожное платье, ну и все остальное, разумеется.

Энжель, показав кивком, что все поняла, ушла. Чтобы буквально миг спустя вернуться, разбудить меня и смущенно спросить, сколько денег она может потратить на обновки.

– А сколько надо? – окончательно просыпаясь, спросил я.

– Да я даже не знаю, – немного растерялась Энжель и замерла в сомнениях. Тут же, впрочем, оживленно встрепелась и, пообещав: – Я сейчас спрошу! – умчалась прочь.

Протерев глаза, я перевернулся на спину и уставился в потолок. Принялся ждать возвращения златовласки... Пролежал так, наверное, с четверть часа, отчаянно борясь со сном. Если не больше. Так и не дождался, уснул. И был практически тотчас же разбужен...

– Тьерра Лиханна просит за свою работу целых сорок монет серебром, – чуть помявшись, сообщила растормошившая меня Энж и выжидающе посмотрела.

– Тебе надо четыре золотых ролдо? – уточнил я, не сразу поняв, о чем толкует девушка.

Отчаянно зевая, я полез в суму за кошельком.

– И еще мастер Нуарих желает получить полновесный золотой за сапожки, – тут же добавила златовласка, стоило мне высыпать на ладонь немного денег.

– Хорошо, – кивнул я, отделяя пяток золотых кругляшей от их собратьев и передавая требуемую сумму своей подопечной.

Сжав денежки в кулачке, она ушмыгнула из моей комнаты. Я снова зевнул, встряхнул заметно полегчавший кошель, прежде чем бросить его в суму, и задумчиво поделился с бесом: «Да, недешево выходит одеть благородную девушку».

«А раздеть – еще дороже!» – съехидничал, оскалившись, этот паршивец, намекая понятно на что.

У меня прямо руки зачесались чем-нибудь его огреть. Понятно, что, несмотря на всю остроту желания шмякнуть чем-нибудь тяжелым поганую нечисть, это так и осталось несбыточной мечтой. Просто в силу нематериальности беса. Пришлось удовольствоваться лишь многообещающим взглядом в его адрес да завалиться спать дальше.

Правда, уснуть с ходу не удалось. Так разбередел мне душу своим чересчур остроумным замечанием зловредный бес, что весь сон ушел. Покрутившись на постели, я с нескрываемой досадой обратился к нему: «До чего же жаль, что ты обретаешься здесь не живьем... А то бы я тебе такую трепку задал!»

«А как бы я тогда в тебя вселился, остолоп?» – фыркнул на это бес.

«Не знаю, как тебе это вообще удалось, учитывая, что я не человек, – буркнул я. – Об одержимых ангелах или демонах вроде нигде не упоминается».

«Так они это иначе называют, – просветил меня рогатый. – Не одержимостью, а наличием ментально-энергетического симбионта. – Разважничавшись, он с откровенным хвастовством заявил: – Причем не абы какого, а крайне полезного симбионта! Доступного далеко не каждому!»

Проделанный нечистью эдакий срыв покровов на некоторое время погрузил меня в ступор. Я даже не сразу опомнился... Выпучившись на эту наглую скотину. А когда все же пришел в себя, то смерил раздувшегося, не иначе как от непомерной гордыни, беса долгим взглядом и с чувством выдал: «Никакой ты не редкостный симбионт, да еще ишь ты – крайне полезный, а самый обыкновенный паразит! Причем зловредный!»

Ох и разобиделся на это рогатый... Не передать! Ну да оно и понятно – правду никто не любит.

Точно поругались бы мы с ним, судя по тому, как он вскипел, если бы не Энжель, опять заглянувшая ко мне.

– Кэр, они отказываются брать у меня деньги... Хотят, чтобы ты сам с ними расплатился, – шмыгнула она носиком и тихонечко пояснила, отчего у мастеров возникло такое желание: – Браслетик мой заметили.

Пришлось подниматься и топать в комнату подопечной решать проблему. Не на пустом месте возникшую, в общем-то. Опасения портнихи и скорняка вполне понятны, ведь находящееся под полной опекой лицо не имеет права распоряжаться деньгами. Если кто-нибудь возьмет их у Энжель, то я вполне могу забрать потом отданные монеты. Невзирая ни на какие договоренности между златовлаской и мастерами. И получится, что работали они бесплатно.

Быстро уладив все это дело и самолично передав плату тьерре Лиханне и тьеру Нуариху, я вернулся к себе. Завалившись на постель с твердым намерением еще малость поспать. Благо надувшийся бес определенно не собирался докучать.

Только-только уснул – опять побудка! Энжель тормошит меня со словами, что пора идти ужинать!

Кое-как продрав глаза, я вздохнул. Ну не было у меня никакого желания тащиться ни на какой ужин. Лучше бы подрых до самого утра. Однако сказать это Энжель, непро-

извольно облизнувшейся при словах о предстоящей трапезе, не повернулся язык. Так что пришлось встать, спуститься со своей подопечной в зал и все же поужинать.

Под вечер в зале «Золотого орла» набралось прилично посетителей, и не занятыми оставались лишь два стола. В силу чего внимание нам, а в первую очередь Энж, обряженной во все ту же каторжную одежду, разве что выстиранную и выглаженную, было обеспечено. Многочисленные пристальные взгляды сразу скрестились на златовласке. Та поначалу чувствовала себя весьма неуютно, хотя и старалась не подавать виду. А там уж полегче ей стало. Принесенная расторопной прислугой еда заставила девушку позабыть обо всем на свете... И о любопытных взглядах, и о шепотках за спиной.

Впрочем, надолго мы в зале не задержались. Даже для того, чтобы посмаковать вина после доброй трапезы. Энжель начало резко клонить в сон, едва она насытилась. Глядя на это, я покачал головой и решительно поднялся. Отобрал у сонно хлопающей глазами златовласки нож и вилку, которой она тщетно пыталась попасть в оставшуюся недоеденной часть запеченного с яблоками молочного поросенка, дабы утащить оную к себе на тарелочку, положил приборы на стол и выдвинул стул с девушкой из-за стола. Чтобы подхватить ее на руки и унести прочь.

Сначала Энжель непонимающе уставилась на меня. А потом... Потом обхватила меня ручками за шею для вящего удобства переноски и, прикрыв глазки, уткнулась носиком мне в шею. Похоже, провалившись в сонную дрему...

Да, определенно задремала. Даже не встрепенулась ни когда я поднимался по лестнице, ни когда открывал дверь в комнату, ни когда укладывал ее на постель.

– Ну вот, теперь отдыхай, – тихонько молвил я, отстраняясь.

Сонно чмокнув губками и что-то неслышно прошептав, златовласка повернулась на бочок, подтянула ножки и, сложив ладошки вместе, подсунула их под покоящуюся на подушке правую щечку. Чем умилила меня до невозможности. Я не смог сдержать улыбку.

– Ладно, пойду я, – немного смущенно проговорил я, обнаружив, что люблюсь спящей леди неприлично долго и все никак не решусь уйти. А пора бы и честь знать.

«А помочь ей раздеться?» – в этот же момент коварно спросил поблескивающий глазками бес.

«С этим она уж и сама как-нибудь справится, без чьей-либо помощи», – не поддался я на откровенную подначку.

«То есть пусть лучше всю ночь мучается, чем выспится нормально? – ослабившись, уточнил рогатый и укорил меня: – Не заботишься ты о своей подопечной, совсем не заботишься».

Вообще-то замечание нечисти насчет того, что в одежде толком не выспишься, было весьма здравым. Я едва не повелся на него... В последний момент, уже шагнув к постели Энжель, опомнился и, резко остановившись, обругал хитрого беса.

«Нет, не будем мы Энжель раздевать и укладывать под покрывало! – досадуя на себя, сердито сказал я. – Как бы этого кому-то ни хотелось!»

«Ну и зря! – заметил паршивец и, сложив лапки на груди, благожелательно заметил: – А ведь мало того, что это пошло бы ей только на пользу, так еще и помогло бы выяснить тебе одну крайне важную вещь!»

«Это какую еще?» – недоуменно нахмурился я.

«Как это «какую»? – выпучил глазки бес, якобы дивясь моей недогадливости. Стараясь не скалиться так уж откровенно, он воздел пальчик и назидательно произнес: – Конечно же насколько совершенной копией крошки ди Самери была лисичка Элис! Ведь как тебе без столь важного знания дальше жить?» – простодушно добавил, гад, разведя лапками.

«Да иди ты!» – одарив покотившегося со смеху поганца самым злобным взглядом, выругался я. Бросив последний взгляд на сладко посапывающую златовласку, такую удивительно милую и беззащитную во сне, я вымелся из ее комнаты. Отправился к себе. Тоже спать. Не помышляя при этом ни о каком сравнении настоящей Энжель с липовой...

* * *

Координатору

Четырнадцатый на точке встречи до истечения контрольного срока не появился. Ликвидация объекта «Таможенник» не подтверждается.

Девятый

* * *

К следующей побудке, произошедшей уже утром, я отнесся куда благодушной. Выспался... Ну, практически. Нет, не отказался бы, конечно, поспать еще пару-тройку часиков, но и так пойдет. Жить можно. И главное, хочется!

Придя в хорошее расположение духа, я даже расщедрился на совсем не обязательное вознаграждение лупоглазому мальчишке из прислуги, явившемуся сообщить благородному сэру о том, что завтрак уже на столе, а у крыльца «Золотого орла» стоит дилижанс.

«Да, хоть и одно название, что город, этот Коуридж, а обслуживание в лучшей здешней таверне все же на высоте. Как в столице прям, – хмыкнул я про себя, одаривая посланца целым медяком. Критично отметив, впрочем: – Им бы еще вышибал вышколить надлежащим образом... Тогда «Золотой орел» действительно приличным заведением станет».

Довольный моей щедростью мальчишка убежал, а я не мешкая стал одеваться и собираться. Хотя чего мне там, собственно, собирать? Я же не явившаяся в гости со всем своим гардеробом барышня. Так что мои немногочисленные вещички быстро очутились в суме, а та – на моем плече. В руки взял оружие. Ну и снес сразу все свои манатки в дилижанс. Там их пристроил, с Томом парой слов перекинулся и отправился за Энжель. Вернее, за своей подопечной. Да, пора привыкать именовать златовласку именно так. Будить ее, если она еще сама не проснулась, и тянуть завтракать. А там, если мастера уже доставили заказанную моей подопечной одежду и обувь, сразу в путь.

Однако будить леди не пришлось. Встала сама. И примеряла обновки, которые не поленилась самолично принести портниха-мастерица. А скорняк, похоже, поспел даже раньше ее, судя по красующимся на ножках Энжель новеньким сапожкам.

Хотя, честно говоря, получив сразу после стука в дверь дозволение войти в комнату, на обувь девушки я обратил внимание лишь постольку-поскольку. Так же как и на небольшую шляпку с узкими полями. Ибо во все глаза уставился на дорожное платье леди, пошитое по ее заказу тьеррой Лиханной. Платье, ага! Светленький полотняный костюм наподобие охотничьего! Состоящий из коротенькой приталенной курточки на трех пуговицах, с растительным узором по бокам, и облегающих стройные девичьи ножки полотняных штанишек! Их в данный момент и оценивала Энжель, крутясь перед небольшим зеркалом, что держала в руках портниха. Видимо, с целью понять, не слишком ли бесстыже обтягивают штаны ее привлекательный зад. Да, весьма и весьма привлекательный... Если не сказать больше.

Поймав себя на том, что, позабыв обо всем, стою и откровенно пялюсь на задницу Энжель, а мысли мои начинают двигаться во вполне определенном направлении, я даже рассердился немного на себя. Нахмурившись, я досадливо мотнул головой, отгоняя прочь воз-

никшее прямо-таки необоримое желание немедленно затащить златовласку прямо в этих штанишках в постель.

– Мне не следует этого надевать, да? – огорчилась Энжель, обратив внимание на мою хмурую физию и, очевидно, ошибочно сочтя это за выражение отношения к ее наряду. – Тогда я надену платье, хорошо, Кэр? – тут же поторопилась она сказать.

– Да ты что, Энжель? – растерянно протянул я, отступая от девушки, замершей в ожидании. Явственным ожиданием моего дозволения сменить наряд. – Ты что, Энжель? – повторил я уже расстроено и с горечью произнес, глядя на понурившуюся и покорно сложившую ручки златовласку: – Я же тебе не хозяин... а ты мне вовсе не рабыня, чтобы мои прихоти исполнять.

– Извини, Кэр, – шепнула леди, покраснев от моего упрека. Вскинув на меня глаза и тут же смущенно отведя взгляд, она вполне решительно сказала: – Тогда я в костюме поеду. Несмотря на то что он несколько вызывающ. – Погладив аккуратно разложенное на столе зелененькое платьице, еще один пошитый тьеррой Лиханной наряд, рассудительно заметила: – Платье – это для дома или для приема у друзей, там, где ты в безопасности. А в дорогу или на выход в незнакомом месте лучше надеть то, что будет удобнее в случае чего.

– Тебе и только тебе решать, что надеть, Энж, – твердо сказал я, закругляя этот разговор, и бросил, уходя: – Нас в зале уже ждет завтрак. Так что поторопись, пожалуйста, со сборами.

Выйдя из комнаты и прикрыв за собой дверь, я остановился, задумчиво протянул:

– Хм... – и озадаченно почесал в затылке. Призадумавшись над тем, нельзя ли применить слова Энжель к Кейтлин. Не оттого ли моя ненаглядная невеста ходит почти постоянно в костюме, что не считает себя в полной безопасности, а не из желания эпатировать окружающих, как я полагал? Ведь, к примеру, когда мы были в столице, гостили в доме ее родителей, Кейтлин постоянно носила платье. Надевая костюм, лишь когда собиралась выйти за порог.

Сочтя, что что-то в этом определенно есть, я отмер и отправился завтракать. Решив не ждать Энжель. Пока она там еще разберется со своими нарядами... Но не успел я спуститься в зал и устроиться за столом, как Энж очутилась рядом. Похоже, в мгновение ока собралась, услышав о еде.

Я не ошибся. Моя подопечная не умчалась есть, бросив все, а действительно крайне быстро покончила со сборами. Притащенный следом за ней прислугой небольшой берестяной короб, поставленный возле нашего стола, как бы не позволял в этом сомневаться. Таким образом, в «Золотом орле» ничего нас больше не задерживало. Ну или почти ничего. Кроме, собственно, только-только начатого завтрака...

Плотно поев и расплатившись, мы покинули таверну. Забрали короб, как я понял, с платьем и прочими полагающимися благородной девушке предметами гардероба, сели в дилижанс и покатали. На рынок. Посетить его меня подвигла высказанная златовлаской просьба. Видя, что я с жалостью смотрю на то, с какой жадностью она насыщается, Энж жутко смущилась и, отодвинувшись от стола и потупившись, спросила:

– Кэр, а нельзя ли купить мне какое-нибудь животное? Чтобы побыстрее восстановиться и перестать стеснять тебя за столом...

– Ты хочешь вытянуть из животного жизненную энергию? – догадался я.

Энжель кивнула в подтверждение. И выжидательно уставилась на меня.

– Да почему же нет? – пожал я плечами и тотчас же предложил: – Давай заглянем на городской рынок, он сейчас как раз должен быть в самом разгаре, да приобретем там тебе какую-нибудь животину.

– Спасибо, Кэр! – поблагодарила оживившаяся златовласка.

– Да не за что, – покачал я головой и полюбопытствовал: – А что, ты не можешь поглощать жизненную энергию существа частично? Ну, не убивая его, а лишь ослабляя?

– Почему же? – удивилась моя подопечная. – Могу. Просто сейчас я не уверена, что смогу удержать свою способность к поглощению чужой жизненной энергии под контролем... Слишком истощена, – созналась она.

– О-о-о... Ну тогда ясно, – сказал я.

– Поэтому лучше быть готовым заплатить за убитое животное, – вздохнув, подвела черту Энжель и тотчас заверила: – Но я постараюсь не вводить тебя в напрасные траты, Кэр! Правда постараюсь!

– Да какие там траты, – благодушно отмахнулся я от так проникновенно смотрящей на меня девушки. – Забудь!

Вот с целью скорейшего восстановления Энжель и приведения ее в форму после заключения на каторге мы и заехали на рынок. Который расположился на окраине Коуриджа, не так уж далеко от северных ворот, на площади, вчетверо превышающей размерами центральную. Надо заметить, приличный в этом крошечном городке оказался торг. Не чета, конечно, кельмскому или даже римхольскому, но все же.

– А какое животное тебе сгодится? – спросил я Энжель, помогая ей выбраться из дилижанса и бросая взгляд на выстроившихся рядами со всякой всячиной торговцев, представленных в основном жителями близлежащих деревень. – Зайчишки ведь какого-нибудь тебе, наверное, мало?

– Да, одного зайчика действительно будет маловато, – улыбнулась златовласка, аккуратно беря меня под ручку, и поделилась своими пожеланиями, одновременно с этим увлекая вперед: – Лучше бы какого-нибудь бычка.

– Ого! – впечатлился я и озабоченно спросил: – А не много ли будет?

– Не бойся, Кэр, плохо от этого, как от обычного переедания, мне не станет! – рассмеялась, кажется, уловив мои опасения, девушка. Сообщив еще нечто довольно интригующее: – К тому же объем жизненных сил даже довольно крупного животного не настолько велик, как кажется. Во всяком случае, для меня.

Мне очень кстати вспомнился случай, когда Энж целого здоровущего демона опустошила, а у него жизненной энергии наверняка было как бы не побольше, чем у быка, и потому глупых вопросов более задавать не стал. Начал требуемую животину высматривать. Мне ведь это легче сделать, чем невеликой ростом златовласке. Нет, она чуточку подросла, конечно, с момента, когда я впервые увидел ее, но все же не настолько, чтобы нагнать меня. Может, футов пять да четыре – четыре с половиной дюйма и есть в ней всего... С той же Мэджери не сравнить. Не говоря уже о Кейтлин, в которой роста все шесть футов. А она ну чуть пониже меня... Я вообще до сих пор, похоже, расту. И ладно бы только шири, в плечах бы раздавался, так еще и вверх пру. Наверное, ноги вытягиваются, чтобы было ловчей от обозленных драконов удирать...

Так или иначе, а вскоре выяснилось, что мое превосходство в росте над Энжель не играет решающей роли в деле поиска чего-либо на рынке. Ну, во всяком случае, в деле розыска животных – уж точно. Повинующаяся какому-то не то наитию, не то неведомому чутью златовласка изначально выбрала верное направление движения и после непродолжительного путешествия по рынку притянула меня прямо к месту продажи скота. Приличных размеров загон был разделен на небольшие части, в которых стояли и лошади, и коровы, и даже ослы. А также телята-жеребята да всякие там мулы и воуы.

Отыскались среди всего этого разнообразия живности и быки. Стояли они наособицу в отдельных, огороженных крепкими жердями клетях. Во избежание, видимо.

Один особенно крупный бык – могучий прямо такой, с широченной грудью, мощной шеей, увенчанной большой башкой с широко расставленными толстыми рогами, да непоколебимо стоящий на ногах, кажущихся довольно короткими из-за их толщины и общей солидности покоящейся на них туши, сразу привлек внимание моей подопечной. Отпустив мою

руку, она устремила к клетке с этим животным. А я разговорился со стоящим рядом хозяином – каким-то деревенским в простой одежде, заштопанной в нескольких местах, да в обычной соломенной шляпе с небольшой прорехой в поле. Словно и не в город приехал на торг, а так и остался у себя в селе.

– Сколько ж ты хочешь за этого красавца? – поинтересовался я у него, кивая на быка, к клетке которого подошла Энжель.

– Шесть золотых, благородный сэр, – коротко поклонившись, без малейшей заминки ответил он. – И ни серебряным меньше!

– Ого! – Названная цена неслабо меня впечатлила, и я совсем по-новому взглянул на неказистую одежду мужика. Кажется, кто-то просто чрезмерно жаден, а не столь беден, что не может позволить себе приобрести что-нибудь поприличней. Хмыкнув про себя, я задал вполне закономерный вопрос: – А не сильно ли много просишь, хозяин? Это ж, по здешним меркам, наверняка стоимость половины дома в городе.

– Да вы посмотрите, какой бык, сэр! Да вы лучшего во всей округе не найдете! – с каким-то даже возмущением провозгласил мужик, поведя рукой в сторону клетки и как бы предлагая мне самому получше разглядеть могучие бычьи стати. – А уж какие от него пойдут телята... – И, только-только начав расхваливать свой товар, осекся.

Энжель же в этот самый момент добралась до своей жертвы... Перчатку полотняную стянула и просунула руку меж жердин к здоровущему быку, чуть опустившему голову и с подозрением уставившемуся на нее. И легонько так по морде его – хлоп! А бык – брык! И наземь повалился! Правда, тут же подскочил обратно, ошеломленно мотая башкой и пытаясь укрепиться на подкашивающихся ногах. Действительно могучий оказался бычище.

– Нет, хозяин, – рассмеялся я, глядя на выпучившего глаза мужика, – не буду я покупать у тебя этого быка. Какой-то он у тебя неженка совсем, оказывается. От легчайшего хлопка по морде с ног валится.

– Да как же так, Фавр?! Как же так?... – запричитал бросившийся к своему сокровищу его хозяин.

Все еще посмеиваясь, я предложил руку своей подопечной, с чуть порозовевшими щеками отошедшей от клетки. Мы пошли обратно к дилижансу.

Транспорт наш во время нашего недолгого отсутствия никуда, понятно, не делся, так что вскоре мы залезли в него и покатали в Римхол. Устроились поудобнее и покатали.

Заметно ожившая Энжель, голубые глаза которой вернули себе былую яркость и теперь буквально сияли, почти сразу же пересела с места напротив моего на другое, рядом. Умилно посмотрев на меня, ухватила обеими своими ручками за мою. Примостила голову мне на плечо, а затем и глазки довольно прикрыла...

Так что не вышло серьезно поговорить со златовлаской, как я намеревался. Думал, обсудим сейчас все как есть, а оно вон как получилось... Энжель почти сразу задремала. Я просто не решился тревожить ее, успокоив себя тем, что времени для разговоров будет еще достаточно, ведь путь в Римхол займет не один день. А там и сам уснул...

Во сне, можно сказать, весь первый день нашего путешествия и прошел. До самого вечера продрыхли и Энжель, и я. Лишь однажды во время остановки на каком-то постоялом дворе для обеда стряхнули с себя сонную одурь и открыли глаза.

Вечером же, когда мы остановились на ночевку, с разговором по душам тоже не сложилось. Я решительно отложил его до решения проблемы, вставшей в полный рост. Дело в том, что в тот момент, когда мы входили в зал постоялого двора и Энжель при этом была пропущена мной чуть вперед, я вновь поймал себя том, что самым предосудительным образом пялюсь на нее сзади. Мало того, мне еще пришлось приложить немалые усилия, чтобы отвести взгляд от своей спутницы, переместив его с дивной девичьей фигурки на ничем не примечательную и неинтересную окружающую обстановку да подавив пробудившееся

желание обладать такой прелестью. А спустя всего два шага ощутил настойчивый позыв души вернуть свой взор назад, на Энжель... Чтобы хоть еще совсем недолго, хоть еще совсем чуть-чуть полюбоваться на прелестную златовласку. Вышагивающую впереди в этих возмутительно откровенно обтягивающих ее ножки и зад полотняных штанишках... Ведь вид же открывается просто восхитительный!

«Да что это такое?!» – сердито подумал я, помотав головой.

«Ага! Что это такое и как с этим бороться!» – не преминул тут же съехидничать восседающий на моем левом плече бес.

«Ты еще тут поумничай!» – буркнул я и, вильнув-таки взглядом в сторону своей подопечной, страдальчески воздел глаза к потолку.

Тут и без чьих-то подначек ясно, в чем причина всего этого безобразия, творящегося со мной. Все дело в том, что у меня давно уже не было девушки. А Энжель, как ни крути, очень и очень привлекательная особа и вообще просто прелесть. Вот и пробивает меня на откровенное вожделение в отношении ее. Несмотря на ясное понимание того, что нехорошо это – доверившуюся мне девушку желать...

Потому и счел я, что правильной будет погодить с разговором на серьезные темы. Не получится у меня с Энжель нормальной беседы в таком состоянии, когда все мои мысли склоняются лишь к одному. Явно упущу что-нибудь очень важное, засмотревшись на ее прелести.

К счастью, войдя в зал таверны, я увидел свое спасение. Явившееся в облике светловолосой девушки-прислуги с усыпанным веснушками лицом и красивой располагающей улыбкой. Фигурка у подошедшей к нам девицы лет примерно двадцати была очень даже ничего... Нет, если выбирать между ней и Энж, то шансов у первой, конечно, никаких, но такой дилеммы передо мной не стояло.

Заметно повеселев, я с воодушевлением занялся размещением нашей честной компании на постой и соответствующими хлопотами. Чтобы спустя всего четверть часа, умывшись и приведя себя в порядок, вновь объявиться в зале. Понятно, за компанию с Энжель. Которую, едва она сообщила мне о том, что уже чувствует себя сытой, я попытался быстренько сплавить, благодушно сказав:

– Ну иди тогда к себе. А я еще немного посижу в зале, кубок вина выпью и тоже наверх поднимусь.

Златовласка, бросив на меня странный взгляд и прикусив нижнюю губку, поднялась. Поколебалась чуть, явно желая что-то сказать, но, так и не вымолвив ни слова, развернулась и отправилась по лестнице на второй этаж. В свою комнату.

Проводив леди нетерпеливым взглядом, я дождался ее исчезновения из виду и перенес свое внимание на приглянувшуюся прислугу. Разве что руки предвкушающе не потер. Ну и немедленно взялся приманивать к себе улыбчивую девицу...

А та такая хитрюга оказалась... Я к ней то так, то эдак подступлюсь, а она только глазки округляет, делая вид, что ну ничегошеньки из моих намеков не понимает. И все это с благожелательной и чуточку насмешливой улыбкой.

В конце концов, совсем отчаявшись уже, я едва ли не прямым текстом изложил этой девице свое предложение, заключающееся в том, чтобы покувыркаться этой ночью вместе в моей постели.

– Ах, простите, благородный сэр, – прямо-таки преисполненным сожаления тоном протянула она. – Вы, конечно, весьма привлекательный и представительный мужчина... – Выдержав интригующую паузу, она сокрушенно вздохнула: – Но я предпочитаю девушек.

И, открыто мне улыбнувшись, девица быстренько свинтила.

Вот для чего я решил выпить вина в ожидании ее ответа? Подавился из-за этого и насилиу удержал в себе, когда оно полезло не в то горло. Проглотив все же злосчастное вино, чуть отдышался и спросил потрясенно:

– Как, и ты тоже?

Минут пять я еще после этого просидел, разевая рот, как выброшенная на берег рыба, и хлопая глазами. Никак не мог справиться с последствиями эдакого шока.

– Ну дела, – выдохнул я, приходя наконец в себя. И пасть свою разинутую захлопнул. Да смущенно огляделся по сторонам.

Борясь с вдруг возникшим навязчивым желанием немедленно подняться к Энжель и поинтересоваться, не является ли она тоже одной из *этих* девушек, одним махом опустошил недопитый кубок.

– Да не грузись ты так, паря! – с этими словами покровительственно хлопнул меня кто-то по плечу. Кто-то, кто не заметил моего рыцарского пояса, раз позволил себе такую фамильярность... Других благородных, кроме нас с Энжель, на постоянном дворе я не заметил.

– Что? – обернулся я.

– Не грузись, говорю, насчет Мариссы, – повторил черноволосый парень, нетвердо стоящий на ногах. Изрядно, похоже, поддатый. Вперив в меня взгляд замутненных глаз, он хохотнул: – Не ты первый, не ты последний! Она всех так отшивает! Чтобы отказом не обижать!

– Вот как? – протянул я, не зная, что и сказать.

– Точно, ик, тебе говорю! – уверенно кивнул парень и добавил благожелательно, прежде чем, пошатываясь, отойти: – Ты это, не серчай на нее сильно за этот розыгрыш насчет того, что ее только девушки интересуют... Ну не спит она с гостями заезжими ни так, ни за деньги. Марисса ж дочка здешнего хозяина, а не какая-нибудь приبلудная голытьба.

– Слава Создателю! – облегченно выдохнул я, когда парень убрался за свой стол.

Прямо даже радость какая-то возникла на душе, а не злость за обман, когда все так хорошо разрешилось. Думал, все уже, последние дни мира наступают и скоро днем с огнем не сыскать красивой девушки, интересующейся противоположным полом, а не своим...

Покачав головой и негромко рассмеявшись своим мыслям, я с просветлевшим лицом отправился к себе. В комнату зашел, дверь за собой закрыл да на кровать завалился. Умогнулся поудобней, руки за голову закинул и, уставившись в потолок, вновь над провернутой этой Мариссой шуткой и обуявшими меня в связи с этим страхами посмеялся.

Отсмеявшись, вздохнул. Чуть расстроено. Ибо желание близости с девушкой так никуда и не исчезло и ощущалось вполне отчетливо. Да еще и спать совсем не хочется.

«Так и чего ты теряешься?! – жарко зашептал на ухо бес, с легким хлопком материализовавшийся на моем левом плече. – Когда в соседней комнате тебя такая прелестная крошка дожидается! Она точно не сможет тебе в близости отказать... И вообще будет только рада, если ты ею нежно овладеешь».

«Иди ты со своими подначками знаешь куда?» – ругнулся я, чувствуя, что меня неслабо завела подброшенная рогатым идея. Так и представилась сразу Энжель, с сияющими глазами, сжимаемая мной в объятиях... Без одежды совсем...

«Да какие подначки? – делано возмутился провокатор хвостатый и давай дальше нашептывать: – Ну ты чего? Не будь остолопом, ведь полная опека, которую эта лапочка так доверчиво приняла, открывает тебе такие широчайшие возможности для злоупотребления... Что ты можешь делать с этой крошкой все, что твоя душа пожелает. – Бес тоненько захихикал. – И самое забавное, что она при всем этом не может никому пожаловаться. Никому, кроме тебя... Представляешь, как это забавно будет выглядеть? Когда златовласка поутру придет к тебе и, утирая слезки, станет жаловаться на тебя же? Ну а ты, глубокомысленно

покивав, сам себя накажешь – строго пожурить и уже в своей постели эту глупышку тут же еще разочек разложишь...»

«Не собираюсь я злоупотреблять опекой над Энжель! Тем более для удовлетворения своей похоти!» – стиснув зубы, с негодованием прорычал я, отвергая гнусное предложение поганой нечисти.

«А на кой мы тогда ее с каторги забирали?» – сев на зад, разинул пасть бес.

«Ну уж точно не для этого! – возмутился я и добавил категорично: – Энжель моей любовницей ни при каких условиях не станет! И на этом закрыли вопрос!»

«Это еще почему ни при каких условиях она твоей любовницей не станет? – заартачился недовольно задержавший хвостом бес. Вдруг резко подскочив и блеснув глазками, он насмешливо спросил: – Ты что, ди Мэнс боишься, что ли?»

«Да ничутьки!» – фыркнул я возмущенно в ответ на такое толкование моего явного нежелания сделать златовласку своей любовницей.

«А я думаю, боишься! – коварно ослабил рогатый и тотчас же поставил вопрос ребром: – Да ты вообще мужик или как?»

«Это ты к чему клонишь, скотина?» – нахмурился я.

«Да к тому, что если ты мужик, то просто возьми и поставь эту стерву демоницу перед фактом, что, помимо нее, у тебя будет любовница. А вздумает артачиться – за шкуру ее и встряхни хорошенько! Мигом присмирееет», – немедленно начала наущать меня нечисть.

«А ты мужик или как? – ответил я на провокацию провокацией и язвительно предложил: – Давай ты сам все то, что сейчас наумничал, заявишь демонице?»

«Да чегой это я-то? – обеспокоенно завозился паршивец, явно категорически не желая самолично воплощать свои идеи в жизнь. – Не мне ж с ней жить, а тебе!» – попробовал он выкрутиться.

«Ну если мне, то ты помалкивай тогда, – срезал я его и буркнул, повернувшись на бок и закрыв глаза: – А то спать только мешаешь...»

* * *

Координатору. Срочно

Из достоверного источника получены сведения о задержании Охранной управой Четырнадцатого. Во избежание раскрытия значительной части нашей агентурной сети прошу вашего немедленного разрешения на вывод связанных с провалившимся агентом оперативников и зачистку не имеющих ценности лиц, имевших с ним плотный контакт.

Также запрашиваю новые инструкции касательно объекта «Таможенник».

Седьмой

* * *

Утро добрым не бывает. Сию житейскую мудрость я сполна прочувствовал сегодня на себе, поднявшись всего через полчаса после того, как все же сумел уснуть. Жуть просто жуткая. Голова как ватой набита, а глаза так и норовят закрыться. Успокаивает немного лишь то, что главное – завтрак как-то перетерпеть, а там в дилижансе можно будет отоспаться.

Умывание холодной водой помогло мне прийти в чувство и немного взбодрило. На какое-то время, понятно. Которое я решил не терять зря и, быстренько приведя себя в порядок, отправился поднимать свою подопечную.

Как выяснилось, утро было недоброе не только для меня. Энжель, впустившая меня в комнату, выглядела так, будто, как и я, крутилась всю ночь в постели, не в силах заснуть...

«Вот, осел, вот! – тотчас же с нескрываемым торжеством произнес сидящий на моем плече бес. – Она, видишь, всю ночь тебя ждала, а ты, скотина, не пришел!»

«Не мели чушь!» – отмахнулся я, во все глаза глядя на такую уморительно миленькую спросонья мордашку Энжель.

«И никакая это не чушь! – вскипел, и не подумав унять, рогатый и потребовал: – Так что бросай глумиться над этой лапочкой, злыдень, и тащи ее немедленно в постель! Дабы она, бедняжка, не терзалась более неопределенностью своего статуса и восстановила утраченное душевное равновесие!»

Совету беса я, конечно, не последовал. Приблизившись к девушке, тотчас же опустившей глаза, взял ее за плечи и тихонько спросил:

– Ну ты что, Энж? Почему ты ночью не спала?

Златовласка, бросив на меня исподлобья быстрый взгляд, явственно смутилась и, заколебавшись, протянула:

– Ну-у...

– Ты что же, думала, что я решу воспользоваться твоим зависимым от меня положением? – с искренним возмущением спросил я, поняв, что догадки беса касательно того, что Энжель ожидала моего появления в своей комнате этой ночью, близки к истине. Отстраняясь от златовласки, с горечью произнес: – Неужели ты считаешь меня скотиной, что способна обидеть доверившуюся ему девушку?

– Нет, Кэрридан, что ты! Я так вовсе не считаю! – вскинув голову, с жаром воскликнула Энжель. Добавив убедительно, глядя на меня увлажнившимися глазами: – Ты очень хороший, Кэр... Очень... – Шмыгнув носиком, она потерянно произнесла: – Просто... – и отвела взгляд.

– Что «просто»? – не понял я сути этого многозначительного изречения.

– Ну, ты же хоть и освободил меня, по сути, оружия мне тем не менее не дал, – ответила, опустив голову, девушка.

– И из-за этого ты вообразила себе невесту что? – вытаращился я на нее.

– Ну... – протянула, не поднимая взгляда, златовласка.

Так и не ответив ничего, она потеряла половицу правым сапожком.

– Ладно вот, держи, – решительно проговорил я, срывая с пояса нож и суя его в руки своей подопечной. – Ну не подумал я, не подумал, что тебе так необходим этот ритуал возвращения воинской чести! – с досадой проговорил я. – Извини! Ты ведь девушка!

– Девушка, – кивнула Энж, признавая этот очевидный факт, и заметила: – Но и магия тоже... – Крутя врученный нож в руках и явно не зная, куда его пристроить, она неожиданно смущенно спросила: – Кэр, я что, совсем тебя не привлекаю?... – и затаила дыхание в ожидании ответа.

А когда я недоуменно уставился на нее, торопливо пояснила, изрядно при этом покраснев:

– Ну, как девушка...

Я с трудом удержался от того, чтобы не закатить глаза. А бес, тот так и вовсе брякнулся с моего плеча, давась хохотом.

– Если бы... – вздохнул я, помявшись и решив во избежание возможных недоразумений в будущем ответить на поставленный вопрос достаточно откровенно. – Если бы ты меня не привлекала, Энж... То лисе Элис не удалась бы та подстава на Остморской таможне, приведшая в итоге к тому, что мы с тобой сейчас стоим здесь.

Поначалу счастливо улыбнувшись и став из-за этого совершенно очаровательной, к концу моей фразы Энжель немного поубавила свой восторг. С недоумением уставившись на меня, она немного растеряннo спросила:

– Элис?... Что еще за Элис?

– Знаешь, давай обсудим это в дороге, – после кратких раздумий предложил я, поняв, что серьезного разговора с Энжель теперь не избежать и он, похоже, может затянуться в силу выказываемого девушкой непонимания, при чем здесь какая-то неведомая Элис. – Видимо, мне придется поведать тебе очень многое.

– Хорошо, Кэр, как скажешь, – покладисто кивнула Энжель.

И мы отправились завтракать.

Не то чтобы я хотел еще отсрочить этот разговор по душам, просто, судя по всему, он действительно может выйти довольно продолжительным. А время не терпит, нужно без промедления возвращаться в Римхол, пока всяческие злопыхатели не очухались после нанесенного им удара и не измыслили новую пакость в отношении моей невесты. Так что мне край нужно быть поскорее там... Просто край.

Отсрочка вышла очень небольшой. Уже буквально полчаса спустя мы, оставив позади постоянный двор, катили дальше в дилижансе. Ничто более не мешало нам спокойно поговорить.

Пару минут я собирался с мыслями, глядя в окошечко и размышляя, с чего именно начать. А потом, махнув рукой, перевел взгляд на расположившуюся прямо напротив меня Энжель, сразу сделавшую сосредоточенно-вопросительное личико, и начал повествовать. Прямо с того момента, как одна особо опасная преступница совершила побег из-под возглавляемого мной конвоя... Почти сразу, впрочем, перейдя к его последствиям, выразившимся в том, что я, счастливо избежав реального наказания, оказался сослан в несусветную дыру – на Отдельный Остморский таможенный пункт. Большим начальником.

Энж, услышав о таком изощренном коварстве высокого руководства Охранки, не смогла сдержать улыбки. Которую, впрочем, тут же погасила, стоило мне прервать свой рассказ, и всем своим видом выразила готовность слушать меня дальше. Ну я и продолжил... Начав живописать свое местами скучное, а местами забавное житие-бытие на таможене. И разливался соловьем, пока не осознал, что непроизвольно оттягиваю тот миг, когда придется перейти к повествованию о том, что до сих пор ранит меня... Поняв это, я смешался и плавно закруглил болтовню ни о чем, несмотря на явно выраженный интерес к излагаемой истории со стороны златовласки. Вздыхнув, перешел непосредственно к тому моменту, когда на таможене появилась рыжеволосая копия Энжель. Княжна Элис фон Мягкенбок...

– Постой-постой! – остановила меня встрепенувшаяся девушка. – Ты об этой Элис?

– Ну да, об Элис фон Мягкенбок, – подтвердил я.

– Но как ты мог нас перепутать? Она же совсем на меня не похожа! – недоуменно свела бровки Энжель.

– То есть сама Элис фон Мягкенбок тебе знакома? Пусть и в облике, отличном от твоего? – спросил я, внимательно посмотрев на златовласку.

– Да, знакома, – не стала отрицать леди и, смешавшись под моим взыскующим взглядом, обретшим едва ли не кинжальную остроту, торопливо пояснила: – Тетя Мария занималась с ней одно время в особом порядке после моего возвращения. Так что Элис часто бывала у нас, иногда оставаясь и на несколько дней... – Видя, что я все сильнее сощуриваюсь, выслушивая ее откровения, златовласка сбилась. Замолчала. Чтобы добавить совсем уж убитым голосом: – Мы с ней даже сдружились немного.

– Но к чему ее готовят, ты не знала? – уточнил я.

– Нет, – ожесточенно помотала головой Энж. Не успокоившись на этом, она проникновенно воскликнула, молитвенно стиснув ручки перед грудью: – Я правда не знала, Кэр! Она не говорила, а я не спрашивала.

– Если так, то хорошо, – медленно произнес я.

Прекратив испытующе смотреть на переживающую девушку, я немного расслабился. А затем даже улыбнулся. Как-то на душе стало тепло-тепло от осознания того, что я не ошибался в Энжель и она не была замешана в той хитрой подставе, осуществленной лисой Элис. Златовласка не только не участвовала в этом грязном деле, но даже не подозревала о нем. Втемную ее сыграли... Что говорит об ее исключительной порядочности. Иначе ведь, будь она дрянью, которая легко бы пошла на то, чтобы подставить другого человека, зачем этой ее тете Марии было скрывать от нее всю подоплеку дела?

– А что было дальше, Кэр? – поняв, что я поверил в ее полную непричастность к произошедшему, тут же жадно потребовала продолжения рассказа Энжель.

– Дальше? – задумался на мгновение я и вздохнул. – Дальше все покатилося под откос... Из-за того, что я ничуть не усомнился в том, что Элис, перенесшая магическую трансформу тела и обретшая твои черты, это ты и есть... Да она мне и повода такого никогда не давала. Сыграв, наверное, лучшую роль в своей жизни.

Ну и продолжил исповедь о днях давно минувших, но тем не менее до сих пор тревожащих душу. Благо слушательница из Энжель вышла просто великолепная. Сидела тихо-тихо, затаив дыхание, и жадно вслушивалась в мое повествование. Не мешая и не прерывая.

Так мы и ехали. А я все говорил и говорил... Не скрывая в своем рассказе практически ничего и лишь кое-где отделяваясь скупыми фразами, чтобы не смущать Энжель слишком уж сильно. Пока не добрался до наших вечерних посиделок с Элис... И впервые с момента начала рассказа о сути произошедших событий был перебит девушкой.

– Она... она предлагала тебе себя, представляясь мной? – запинаясь, с трудом выговорила Энжель.

– Ну, не совсем так, – поправил я сидящую напротив меня с горящим лицом златовласку и снова вздохнул, помрачнев под гнетом накопивших воспоминаний. – Все было гораздо хуже, Энж... Все было гораздо хуже. Она играла в любовь.

– Что?! – ахнула едва ли не подскочившая с сиденья девушка и так глазами засверкала...

Я промолчал, не став отвечать на этот негодующий возглас. Тем более что он и не нуждался в ответе. Дождался, когда златовласка чуть успокоится, внимательно посмотрел на нее и, получив поспешное обещание больше не перебивать меня, стал рассказывать о том, что было дальше.

Энжель сдержала свое слово. Практически. Первый свой порыв что-то сказать, возникший в тот момент, когда я поведал о совершенном мной вскоре откровенно бесстыдном лишении Элис невинности, она сдержала. Переборов себя и ограничившись лишь расширившимися глазами и стиснутыми в волнении ручками. А вот второй, охвативший ее при рассказе о заключении помолвки меж мной и Элис, уже нет. Слишком сильно задела златовласку провернутая этой лисцей хитрость с заменой ее имени на истинное имя княжны фон Мягкенбок в даваемой мной клятве. Помолвку-то я изначально желал с леди Энжель ди Самери заключить...

– Ну мерзавка! – ахнула потрясенная до глубины души девушка.

Поймав мой укоризненный взгляд, она смешалась и клятвенно заверила, что больше не вымолвит ни слова до самого конца истории.

Ну да там уже немного и оставалось. Я уложился в полчаса, чтобы досказать остальное. Поведав златовласке и о нашей тайной жизни с Элис со встречами по ночам, и об ее

деятельности по перевозке запрещенных артефактов, и о том, к чему это все в итоге привело. Закончив, понятно, историю на трагической гибели Элис...

– Это ей еще повезло! – горячо произнесла гневно блистающая глазами леди по окончании моего рассказа. – Если бы она мне попалась после того, что совершила, то так легко бы не отделалась!

Поймав мой изумленный взгляд, она жутко смутилась.

– Ладно, что было, то прошло, – чуть помолчав, наигранно бодро произнес я, подводя, таким образом, под всем этим черту.

– Да, ты прав, – согласилась ставшая необычно задумчивой златовласка. Повздыхав немного расстроено, она с какой-то детской обидой произнесла: – А еще моей подружкой прикидывалась... – На что я благоразумно промолчал, а девушка, выдержав небольшую паузу, продолжила, сердито сдвинув бровки: – Теперь понятно, почему она такой любопытной была... Выпытывала у меня все-все... Вплоть до того, какое я ношу нижнее белье...

Резко осекшись, Энж вскинула на меня глаза. Я же вперил в нее потрясенный неверящий взгляд.

Так что... Так что она сразу сообразила, что сейчас ляпнула. Учитывая мое близкое знакомство с одеждой Элис, включая и ту, что скрыта под платьем, своими неосторожно сорвавшимися с уст словами Энжель практически прямо объявила мне о том, что носит это откровенное бесстыдство – крохотные трусики по аквитанской моде, не прикрывающие практически ничего. Да и предназначенные, в общем-то, не для того, чтобы что-то скрывать. Скорее наоборот – для того, чтобы выгодно подчеркивать...

«Похоже, я ошибся в выборе девушки, которую нужно хорошенько отшлепать за то, что она надевает нижнее белье, предназначенное только и исключительно для провокации мужчин... – ошарашенно подумал я. – Судя по всему, в принятии самых решительных воспитательных мер нуждается Энж, а вовсе не просто последовавшая ее примеру Элис!»

– Кэрридан, пожалуйста, не смотри на меня так! – взмолилась меж тем златовласка, покраснев как рак.

Она быстренько пересела с сиденья напротив на другое, рядом со мной. Сбоку затаилась, обеими ручками ухватившись за мое предплечье, туда же носиком уткнувшись и, кажется, даже прекратив дышать... Засмущалась совсем. Глупышка...

«Какая же ты глупышка... Ну кто же так поступает, если хочет, чтобы собеседник счел, что он неправ в своих догадках?» – умилился я про себя этим наивным действиям Энж, выдавшим ее с головой. Пряча невольно возникшую улыбку, я уставился в окошко, чтобы не смущать девушку еще больше.

Так мы и ехали довольно долго. Пока успокоившаяся Энжель, повозившись, не спросила тихонечко:

– А что было потом, Кэр?..

И я продолжил свой рассказ... Прервав его лишь однажды – во время дневной остановки. До самого, можно сказать, вечера трепался. В подробностях живописав Энжель свою службу в штрафном отряде, куда угодил после разоблачения по вине Элис. Даже устал немножко.

Но недостаточно сильно, к сожалению, чтобы опять не засмотреться на златовласку сзади, когда мы входили в зал постоянного двора, и не проникнуться вождением... Да еще и чуть не попался. Едва успел отвести взгляд от девичьих прелестей и напустить на себя самый незаинтересованный вид, когда она неожиданно решила обернуться.

Что еще хуже, на этом постоялом дворе не обнаружилось даже мало-мальски симпатичных, на мой взыскательный вкус, девушек. Невзрачная какая-то тут оказалась вся прислуга... Пришлось удовольствоваться купальней и ужином да сразу отправляться спать. Благо сегодня не то что вчера, когда сна не было ни в одном глазу.

Задремал я быстро. И приснился мне дивный сон... В этом сне, пройдя через дремучий лес и продравшись сквозь какие-то колючие кусты, я обнаружил крохотное горное озерцо, заполненное изумительно прозрачной водой. А там увидел купающуюся под маленьким водопадом Кейтлин... Практически обнаженную... Щеголяющую в одних только тоненьких шелковых трусиках... не скрывающих почти ничего... Что самое удивительное в развернувшейся сказке – обольстительная суккуба словно и не заметила меня, нагло нарушившего ее уединение и появившегося буквально в десятке шагов от нее. Ни заклинанием каким-нибудь убойным не приголубила, ни камнем не швырнула... Даже когда я, облизнув враз пересохшие губы, зашел в воду и побрел к ней...

Тук-тук-тук! – стремительно вырвал меня из власти сновидения стук в дверь, когда я уже практически коснулся рукой этой истинной суккубы.

Распахнув глаза, я едва не застонал от досады. Ведь счастье было так близко...

Торопливый стук в дверь повторился. Повернув голову и зло глянув на нее, я решительно поднялся. С твердым намерением вломить хорошенько этому дятлу! Это ж надо – такой потрясающий сон обломать!

– Ну?! – обратился я не предвещающим ничего хорошего голосом к испуганно отскочившему от резко распахнувшейся двери пареньку. Поваренку, судя по всему.

– Там... там ваша спутница пришла за едой! А у нас в зале наемники загуляли! Как бы не вышло чего, благородный сэръ! – торопливо выпалил он.

– Понятно, – оборвал я его, моментально вникнув в суть дела.

Решительно захлопнув дверь, немедленно как есть – в штанах и в рубашке навыпуск – двинулся в зал.

Паренек не ошибся насчет того, что не выйдет ничего хорошего из хождений туда-сюда столь привлекательной девушки, как моя подопечная, мимо загулавшей компании. Изрядно поднабравшиеся наемники числом в неполную дюжину, помимо коих в зале уже не было никого, закономерно сочли, что эта полуночница ищет приключений на свою прелестную задницу. И привязались к ней... Хорошо хоть не сразу всем гуртом.

«Видимо, просто решили, что достаточно и одного мужика, чтобы затащить такую хрупкую девчонку к ним за стол», – мысленно предположил я, стремительно спускаясь с лестницы и оценивая на ходу сложившуюся диспозицию.

Ситуация была даже забавной слегка. Десять пьяных наемников ржали и громко подбадривали воюющего с Энжель сотоварища. Рыжебородого детину лет тридцати. Похоже, он подкараулил вышедшую из кухни девушку и преградил ей путь. А затем, судя по всему, попытался перво-наперво забрать из ее рук деревянный поднос с провиантом, дабы отставить в сторонку, чтобы не мешал добраться до самой девушки. Энжель же, очевидно, растерявшись в первый миг и скорее всего даже не поняв истинной подоплеки происходящего, категорически воспротивилась попыткам какого-то пьяного мужика разлучить ее с набранной едой... Так крепко ухватившись за поднос, что у наемника никак не получалось отобрать его. Вот и вышла у них из этого игра, кто кого перетянет...

«Поставил бы на златовласку. Судя по решительному лицу Энж и проявляемому ею упорству, еду она ни за что не отдаст», – подумал я.

«И я бы на нее!» – поддержал меня оживившийся бес.

Но с пари не срослось. Я добрался до непосредственного места событий.

– Помочь? – хлопнул я рыжебородого детину по правому плечу, неожиданно возникая у него за спиной.

– А? – дернулся он, оборачиваясь, но продолжая цепляться за поднос.

– Руки убрал от подноса леди, быстро! – чуть грубовато велел я.

Намек на то, что он привязался к благородной девушке, а это грозит серьезными неприятностями, не дошел до затуманенного вином сознания наемника. Он, похоже, вообще

ничего не понял из моих слов... Восприняв все исключительно как грубое вмешательство конкурента в борьбе за внимание девушки. И хотя наемник все же отпустил поднос, он не отошел сразу же к приятелям, извинившись предварительно перед Энжель за свое недостойное поведение, а развернулся и буром попер на меня. Причем его не смутило даже то, что я прилично так крупнее.

– Ты че?! Попутал, что ли? Или че? – возмущенно вопрошал он, надвигаясь на меня и провоцирующе задирая, толкая в грудь раскрытой ладонью. – А ну свали в туман, пока ласты тебе набок не завернули! – решительно скомандовал детина, не дождавшись от меня немедленного ответа. – Мы первые заметили эту девку, нам и драть ее сегодня!

Всхрюкнув, он согнулся, когда я резко пробил ему под дых. Да упал на колени, схватившись руками за живот и выпучив глаза...

Можно было бы посочувствовать человеку, переживающему не лучшие мгновения в своей жизни, но я не стал. Придурок сам нарвался. Пусть радуется тому, что я вообще сдержался, не дав прорваться своей ярости. А то не отделался бы он применением в отношении его первейшего приема всех вышибал по качественному приведению в чувство буйных посетителей. Разве что обошлось без увесистой дубинки, а то схлопотал бы удар в грудь и потом долго бы лечил переломанные ребра...

Положив руку на коротко стриженную макушку судорожно сипящего наемника, стоящего на коленях передо мной, я толчком отправил его в сторону. В результате чего он, сбив лавку, завалился под соседний стол. Освободив, таким образом, дорогу Энж.

– Идем отсюда, – коротко велел я обхватившей поднос обеими руками златовласке, демонстративно не обращая внимания ни на что более, кроме нее.

Кивнув, она поспешила ко мне.

Угу, так нам и дали спокойно уйти...

– Да ну на... – громогласно возмутился кто-то из наемников, вынуждая меня повернуться к нему лицом. Повернуться и малость оторопеть...

И было отчего. Даже лавка как-то облегченно пискнула, распрямляясь, когда с нее поднялась эдакая туша, и горестно застонал стол, на который оперся ручищами сей бугай. Росточку в нем было как бы не все семь футов, да еще был он едва ли не поперек себя ширше...

«Прямо вылитый братец слуги темного магистра Гордона, великана Уги, – мелькнула у меня при первом взгляде на него шальная мысль. Сменившаяся, впрочем, через пару мгновений, когда я получше разглядел своего визави, более критичной: – Хотя, конечно, сильно поменьше, поменьше его...»

Нет, действительно здоровый бугай вылез из-за стола. Таких крупных, но не тучных людей, находясь рядом с которыми сразу ощущаешь себя сущим недомерком, мне в жизни доводилось видеть всего-то пару раз.

Впрочем, явление миру этого бычищи, коему самое место в загоне на рынке рядом с тем, которого похлопала по морде Энжель, поглотить все мое внимание не смогло. Как кто-то, верно, рассчитывал... Тишком выбираясь из-за стола и направляясь куда-то в сторону, якобы не ко мне. Нет, я бы, может, и поверил, что этот нисколько не внушающий видом, скорее даже тщедушный наемник просто отправился прочь по своим делам – отлить или еще чего там, если бы не тускло блеснувшее лезвие узкого стилета, вытащенного им из левого рукава. Похоже, этот мелкий привык действовать на пару со своим дружком-бугаем, отвлекаяющим противника.

– Ты че, ваще страх потерял, убогий? Ты на фига Шульса ударил? – с угрозой спросил надвинувшийся на меня громила в штанах и в распахнутом кожаном жилете на голое тело, что был явно мал и на его широченной груди просто не сходиллся.

– Исчезни, – лаконично посоветовал я нависшей надо мной громадине, краем глаза продолжая отслеживать давно не стригшегося мелкого ушана с ножом в руке, заходящего ко мне справа. – Если не хочешь быть запоротым на дворе.

– Че?! – взревел явно не шибко сообразительный бугай.

– А дружок твой, – нимало не смущаясь, кивнул я на стенающего под столом бедолагу, – и вовсе может лишиться своих лап. За то, что протянул их в сторону благородной девушки.

Но увы, наемник был либо слишком пьян, либо не очень умен, а может, и то и другое вместе, чтобы правильно понять даже такой прямой намек. Остальная же компашка, следящая за развитием событий из-за стола, тоже к должным выводам не пришла, как я все же надеялся. Скорее наоборот, мои слова вызвали обратный эффект, судя по раздавшимся смешкам и замечаниям. Дескать, мог бы придумать что и получше, ибо леди не ходят сами на кухню за едой, на это у них служанки есть.

– Короче, ты, босьяк, – грозно произнес меж тем бугай, скалой нависая надо мной и тыкая меня в лоб указательным пальцем, больше похожим на толстую сосиску. – С тебя десять монет! Шульсу – на поправку здоровья! И я тогда тебе ничего не ломаю!

– Нет, похоже, ты не понимаешь, с кем связался, – якобы сокрушенно покачал я головой, неслабо разозленный вопиющей наглостью пьяного наемника, но еще держа себя в руках. И с благодушной улыбкой сообщил: – Плетей ведь тебе всыплют, дурачку... В качестве добавки к переломанным костям.

– И отправят на рудники, – тихонечко добавила, выглянув из-за моей спины, Энжель. – Лет на пять.

– Так я ж твоего непрошеного заступника не убью, лапуля, а только покалечу, – оживился, не восприняв наши слова всерьез, наемник. – За что на рудники-то? – Скабрёзно ухмыльнувшись, он подмигнул девушке: – А лично тебе жаловаться не на что будет. Тебе все понравится, я обещаю.

– Все-таки придется тебе что-нибудь сломать, – с деланным огорчением вздохнул я, уже с превеликим трудом сдерживая охватившую меня злость, и пробормотал, окидывая бугая оценивающим взглядом: – Что-нибудь, совсем ненужное такому придурку... Например, башку.

– Че? – оскорбленно взревел тот.

Вскинув правую руку, он замахнулся на меня. Причем замахнулся даже не кулаком – просто раскрытой ладонью. Не чтобы враз пришибить, а чтобы сбить меня с ног увесистой оплеухой... Как щенка.

– Ниче! – приходя от такого пренебрежения в полную ярость, взрыкнул в ответ я.

И, не успев еще испустить до конца этот рык, крутнулся стремительной юлой. Подхватывая во время вращения с пола короткую лавку и с невероятной силой обрушивая ее на башку бугая при завершении полного оборота. В результате чего ту в щепу разнесло. Лавку в смысле. А бугай... Бугай молча рухнул на спину, едва не проломив при этом своей тушей дощатый пол.

Отбросив оставшийся от разбитой лавки бесполезный кусок перекладки, я замер и злорадно оскалился. И едва успел перехватить летящий мне в правый бок нож. Но все же успел. Цапнув за запястье мелкого засранца, дружка бугая, я резко вывернул ему руку, заставив взвыть от боли. Подхватив выроненный гадом стилет свободной рукой, обрушил его сверху, вбивая в плечо напавшего. Отчего тот взвыл пуще прежнего и, упав на колени, вцепился неповрежденной левой рукой в рукоять стилета, вонзившегося в его плоть до предела.

Полюбовавшись мгновение на завывающего мерзавца, любящего нападать со спины, я перевел взгляд на вскочивших с негодующими возгласами наемников.

– А ну быстро попадали назад на лавки и потухли! – прорычал я гневно, распалаясь.

Трое сразу послушались меня, плюхнувшись на свои места, а еще четверых осадил наемник с серебристыми сединой висками, видимо, командир, коротко велел:

– Сядьте!

– Добро, – проворчал я, видя, что конфликт вроде как исчерпан, и чуть остывая.

Нимало не беспокоясь о нападении сзади – если сам не почувствую, так предупредит бес, я повернулся к Энжель и негромко сказал ей, продолжающей стоять с подносом в руках:

– Идем отсюда.

Златовласка, кивнув, быстро направилась к лестнице. А я потопал следом за ней, прикрывая, так сказать, ее тылы...

Поднявшись на второй этаж постоянного двора, я поманил за собой стоящего там с горящими глазами мальчишку-поваренка, несомненно, наблюдавшего за всем происходящим в зале. Он понадобился мне для того, чтобы награду ему вручить. В виде золотого ролдо. За сообразительность.

Ну а после этого, потрепав совершенно счастливого пацаненка по вихрам, я вошел следом за Энж в ее комнату. Остановившись и развернувшись ко мне лицом, девушка расстроенно спросила:

– Ты сильно на меня сердишься?

– Да нет, – отрицательно мотнул я головой, и в самом деле не испытывая никаких отрицательных чувств в отношении златовласки. Что, впрочем, не помешало мне разродиться назидательным замечанием, произнесенным довольно суровым тоном: – Хотя поступила ты не очень благоразумно, отправившись на кухню. Если тебе захотелось перекусить, нужно было послать за едой кого-нибудь из прислуги. В крайнем случае сказать мне.

– Прислуги нигде не было видно, а будить тебя из-за такой ерунды я не решилась, – опустила голову девушка, явно считая себя виноватой в произошедшем.

– Это не ерунда, – возразил я. – Мы, конечно, не по вражеской территории путешествуем, но... но очень близко к тому, учитывая, какой эффект ты производишь на мужчин. Так что лучше их не провоцировать твоим появлением где-либо в одиночестве. – Помолчав и дав юной леди проникнуться сказанным, я подытожил: – В общем, если тебе что-то понадобится, а прислуги под рукой нет, сразу обращай ко мне.

Энжель кивнула. Показывая тем самым, что все поняла. Но, заглянув ей в глаза, я отчетливо увидел, что поступит она тем не менее по-своему. Не станет она беспокоить меня... И одно из двух: или останется сидеть голодной, или опять отправится на кухню одна.

«Ладно, – вздохнув про себя, решил я. – Сегодня она уже явно никуда не пойдет, а там придумаю что-нибудь».

Пожелав своей подопечной хорошего отдыха, я отправился к себе. Ненадолго только замешкавшись в дверях, чтобы обернуться и озадаченно спросить:

– А почему ты не шарахнула этого рыжебородого хотя бы тем же молниевым разрядом?

– Тогда бы пришлось отпустить поднос... – чуть покраснев, ответила Энж.

Хмыкнув, я только головой покачал. Да и махнул рукой. Ну растерялась девушка, попав в необычную для нее ситуацию, с кем не бывает? За что тут на златовласку действительно сердиться? Тем более когда очевидно, что проблема не в ней самой, а в ее специфическом обучении в закрытом заведении, где общению с людьми уделяется пренебрежительно мало времени.

Аккуратно прикрыв за собой дверь в комнату Энж, я отправился к себе досыпать. Подумав при этом с каким-то сладостным замиранием сердца: «Вдруг приснится тот же сон и мне все же удастся добраться до Кейтлин? Заключив в объятия обольстительную суккубу?..» Я тут же непроизвольно облизнулся своим мыслям.

«Только не помри там на радостях тогда!» – съехидничал бес, вынудив меня зло пококаться на этого паршивца.

Но, к моему огромному разочарованию, тот самый сон более меня не посетил. Да и никакой другой, впрочем, тоже. Без всяких сновидений, увы, продрых до самого утра... Отчего за завтраком был немного расстроен.

То, что я явно не в духе, не осталось незамеченным для Энжель. Видимо, она отнесла это на свой счет, так как тут же еще раз попросила прощения за произошедшее этой ночью.

– Да забудь, Энж, все в порядке, – отмахнулся я от многословных извинений девушки, добавив, впрочем, про себя: «Но больше я тебя, конечно, без надлежащего присмотра не оставлю».

После завтрака мы покатали дальше. Продолжив заодно и наш разговор по душам. Правда, в этот раз говорила в основном девушка: пришла ее очередь рассказывать о своем житье-бытье после побега из-под конвоя.

Так день и пролетел. Ведь, несмотря на то что жизнь Энжель вела не такую насыщенную событиями, как я, времени на рассказ ей понадобилось довольно много. Просто потому, что не получается у девушек отчего-то коротко все излагать, опуская маловажные подробности... Ну да в любом случае мне было интересно.

Интересно было, к примеру, узнать, что это Энжель, а не Элис принадлежит идея после отмищения своему кровнику заняться скупкой, восстановлением и перепродажей артефактов Ушедших. Она ее вынашивала очень давно. Потому как ей очень нравится возиться с всякими занятными и часто совершенно удивительными и непонятными магическими безделушками. Да и необходимые для такой работы манипуляции с тонкими энергиями легко даются...

Энжель во исполнение этой своей мечты даже пошла ученицей к какому-то известному в Аквитании старичку-артефактору. Не бросив, правда, при этом учебу в той школе, где преподавала ее тетя... Вроде и не желая развиваться как маг боя, но якобы сочтя здравым замечание своей родственницы, что лишними приобретенные и отточенные там специфические навыки все-таки не будут. Мало ли что в жизни пригодится.

В общем, Энжель весь этот год упорно училась, практически ни на что не отвлекаясь. Пока до нее не дошло послание Охранки, просто и незатейливо извещающее о том, что ее пособник, некий Кэрридан ди Стайни, ожидает казни. И что спасти его может только добровольная сдача беглой преступницы в руки имперского правосудия...

– Это было неразумно с твоей стороны – бросаться меня выручать, – не удержался я от высказывания. – Будь все это взаправду, твое появление меня бы не спасло. Ну заменили бы мне плаху на пожизненную каторгу... Что так, что эдак – все одно смерть. Да еще и до обидного бессмысленная. Получилось бы, что все сделанное мной для тебя – совершенно зря.

– Тетя Мария тоже говорила, что моя добровольная сдача скорее всего мало чем тебе поможет, хотя, конечно, очень обрадует Охранку. И что вообще это был твой выбор – мне помогать, подразумевающий и готовность отвечать за свое деяние. Соответственно нехорошо будет обесценивать твою жертву во имя моего спасения, – вздохнула Энжель и решительно произнесла: – Но я решила, что если есть хотя бы какой-то шанс, что моя сдача спасет тебя от плахи, то его нельзя упускать. Ведь я просто не смогу потом жить с таким тяжким грузом на душе, зная, что, возможно, все-таки могла что-то сделать, но тем не менее дала тебе умереть.

– Да я тебя не виню, – вздохнул теперь уже я. – И понимаю, что такая чистая душа, как ты, не могла иначе поступить в этих обстоятельствах... Только видишь, как все вышло? Меня ты не спасла, а только угодила в расставленную Охранкой ловушку.

– Это да, – грустно согласилась златовласка. – Тетя Мария предупреждала меня о большой вероятности такого исхода дела. О том, что это послание может быть хитрой подставой, так как слишком уж оно выбивается из привычного стиля действий Охранки.

– Умная у тебя тетя, – хмыкнул я.

«Или просто хорошо осведомленная!» – не смог смолчать прислушивающийся к нашему разговору бес.

«Что даже скорее всего», – не стал спорить я.

– Да, она очень умная у меня, – кивнула, довольно улыбнувшись, девушка, явно не уловив, к чему я клоню.

Я только головой покачал и решил спросить о другом:

– Одного не могу понять... Как тебя вообще выпустили из Аквитании? Ведь вряд ли тамошние власти могло обрадовать твое решение сдать имперской Охранке, означающее для них потерю какого-никакого, но мага боя, на подготовку которого потрачено немало времени и сил.

– Так тетя Мария, когда поняла, что ей меня не отговорить, помогла незаметно покинуть Аквитанию, – прояснила златовласка этот животрепещущий момент.

– И тут, значит, эта твоя тетя Мария поучаствовала, – не смог сдержать я отрицательных чувств и скрипнул зубами. Расстроило меня до невозможности явное свидетельство того, что Кован не так уж неправ, подозревая, что добровольная сдача Энжель является частью затеянной аквитанскими недругами ответной игры.

– Ты что, Кэр? – немного растерялась девушка при виде такой моей реакции на ее безобидные, в общем-то, слова.

– Энж, ну ты же неглупая, должна понимать, что все это участие со стороны твоей родственницы – не просто так... Все факты буквально кричат об этом, – посмотрев на подопечную, решил я попытаться раскрыть ей глаза на двуличную натуру ее доброй тетушки. – Взять хотя бы те же занятия с Элис, проводимые ею в особом порядке. Ну не могла она, в отличие от тебя, не знать, к чему готовит эту ученицу и какое задание ее ждет...

– Нет, неправда! – перебив меня, отчаянно помотала головой златовласка и убежденно заявила: – Тетя Мария наверняка тоже ничего не знала! Иначе сказала бы мне!

– Энж, если твоя тетя ничего не знала и даже не подозревала о предстоящем Элис задании, то она не умная, как ты утверждаешь, а полная дура! Ладно ты в силу своей неопытности и целиком погрузившись в учебу могла не заметить, что Элис изучает тебя при общении и перенимает твои привычки, но чтобы этого не увидел и не отметил преподаватель разведывательно-диверсионной школы...

– Но... – жалобно протянула Энжель, однако так и не нашлась что мне возразить.

Девушка поникла, в отчаянии прикусив нижнюю губку. Похоже, погрузилась в нелегкие раздумья.

Я же, видя такое дело, деликатно отвернулся и уставился в окошечко. Пусть Энж спокойно поразмыслит над сказанным мной... Не буду ей мешать.

Девушка не на шутку озадачилась вопросом явного предательства своей доброй тетушки. Ведь мало того, что до остановки на ночевку просидела молча, уставившись в никуда, так еще и во время ужина на постоялом дворе была до крайности задумчива, отчего невпопад отвечала на обращенные к ней реплики. Что мои, что прислуги. Да и покушала совсем без аппетита!

Вырвать ее из власти тяжких дум смогло лишь мое невинное замечание о том, что сегодня мы разместимся на постой в одной комнате. Это известие быстренько привело мою подопечную в чувство и заставило с определенной толикой растерянности уставиться на меня чуть расширившимися глазами.

– Извини, Энжель, но это ради моей вящей уверенности в том, что ты разбудишь меня, если тебе опять захочется податься куда-то ночью, – счел нужным пояснить я, пока девушка не понапридумывала себе невесть чего.

Златовласка медленно кивнула, принимая мои объяснения. Я облегченно перевел про себя дух. Ибо самому неведомо было, что бы делал, если бы леди заартачилась по поводу принятого мной решения, сочтя его крайне возмутительным для незамужней дворянки. По идее-то лишь одному лицу противоположного пола уместно разместиться в комнате с благородной девушкой – ее супругу либо любовнику...

Но я понадеялся на то, что Энж припомнит тот факт, что мы с ней ранее не раз делили одну комнату на двоих. Пусть и вынужденно. Следовательно, теперь у нее нет повода особо возмущаться уроном ее девичьей чести. Какая уже разница, сколько раз мы селились вместе, если главное заключается в том, что данный факт имел место быть и от него никак не отвертеться.

Впрочем, наверное, свою роль сыграло то, что снятый мной для нас двоих дорогой номер лишь считался однокомнатным. На деле он был разделен тонкой дощатой перегородкой на две части. Одна, попасть в которую можно только через вторую, предназначалась для размещения важной персоны, а другая – для путешествующей с ней охраны либо для слуг.

На действительно же одну комнату на двоих я бы сам не согласился. Это было бы крайне неумным решением с моей стороны, учитывая крайнюю привлекательность одной прелестной златовласки.

В общем, очутившись в номере и осмотрев его, Энж ничего не сказала по его поводу. Кивнула только, пожелала мне спокойной ночи и быстренько ушла на свою половину. А я, прежде чем завалиться на кровать, передвинул имевшийся в комнате столик от окна к противоположной стене, ближе к двери, и водрузил на него лампу. Критично осмотрел получившуюся конструкцию, освещающую мою постель и, удовлетворенно кивнув, отправился на боковую. Теперь если кто и захочет тихонечко, на цыпочках, прокрасться мимо меня к двери, все равно обязательно разбудит, заслонив на миг лампу.

Правда, из-за бьющего в глаза света заснуть оказалось гораздо тяжелее, нежели обычно. Что ни говори, а освещение реально мешает погрузиться в сон. Освещение и шебаршение Энж, которая никак не могла улечься... Ну, тут ничего не поделаешь – слух у меня хороший. Хуже другое – то, что вдобавок к нему фантазия у меня преотличная... Мигом рисует нарочито неторопливо раздевающуюся златовласку, невероятно прекрасную в своей невинной наготе...

Какой уж тут сон, когда рискуешь слюной захлебнуться? Спустя, наверное, только час, совсем выбившись из сил в борьбе с порочными желаниями, задремывать начал...

Чтобы резко проснуться, когда моргнул свет, а на мою кровать кто-то уселся.

– Ты что, Энж? – едва не подскочил я, когда, распахнув глаза, увидел рядом с собой свою подопечную, да еще не вполне одетую.

– Никак не могу уснуть, – пожаловалась она, забираясь на мою постель с ножками и поджимая их, обтянутые тонкими штанишками, под себя. – С мыслями о том, что самый близкий человек мог меня предать...

– Да ну не расстраивайся ты так, – попытался я приободрить девушку, усевшись и на всякий случай отодвигаясь подальше. Но, не сдержав чувств при виде златовласки, которая выглядела так потерянно, словно брошенный хозяевами щенок, притянул ее к себе и, прижав крепче, погладил по узкой спинке. – Правда, Энж, не расстраивайся... – На что она только всхлипнула. Мысленно обругав себя за слабование, я смущенно добавил: – Ведь вполне может быть, что я ошибаюсь насчет твоей тети.

– Нет, мне нужно знать это точно! – помотала головой отстранившаяся девушка, комкая сжимаемый в кулачке ворот коротенькой шелковой рубашки, похоже, просто наброшенной сверху, так как она не была заправлена в штанишки.

– Да как же ты это точно узнаешь, если твоя тетя находится далеко-далеко и ее никак не призовешь к ответу? – недоуменно спросил я.

– Но зато ты есть рядом, – возразила Энжель и тихонечко пояснила, просительно заглядывая мне в глаза: – Ты же можешь здесь и сейчас дать ответ на очень важный вопрос – насколько сильно Элис была похожа на меня...

– Ты это серьезно?.. – потрясенно прошептал я, облизывая отчего-то враз пересохшие губы.

– Угу, – кивнула златовласка. И, прикусив нижнюю губку, распахнула рубашку...

Я ахнул от ее наивной простоты! Но, к своему стыду, не отвел быстро глаз от обнаженной девичьей груди, а с жадным восторгом уставился на нее. Даже, не сдержавшись, облизнулся, плясь на столь дивное зрелище. Ведь грудь у златовласки так восхитительно красива... и размера на удивление для девушки хрупкого телосложения вполне отменного... но главное, при всем этом настолько необыкновенно изящна, что буквально захватывает дух!

– Да, схлтурили гады-маги, создавая твою копию в лице Элис, – совсем забывшись, восхищенно протянул я. – Твоя грудь куда как красивей ее...

– Нет, это лишь означает, что мое подобие делали с хорошего, но не идеального зрительного образа, – помотала головой Энжель и радостно произнесла: – А это, в свою очередь, приводит нас к тому, что тетя Мария ни при чем!

– Ну, как вариант, – пробормотал я и непроизвольно сглотнул слюну.

Энжель же, словно сбросив с души невыносимый груз, выпрямилась. Сияющими глазами посмотрела на меня. Угу. Посмотрела и увидела, на что я продолжаю пялиться. И немедля залилась краской... Да, спохватившись, быстро запахла рубашечку. После чего жарко взмолилась:

– Только пожалуйста, Кэр, не рассказывай никому, что я сама показывала тебе свою грудь!

– Х-хорошо, – кое-как выдавил я из себя, испытыв столь сильное разочарование, лишившись такого дивного зрелища, что словами не передать.

– Спасибо, Кэр! – просияла девушка и, потянувшись ко мне, чмокнула в щеку.

А потом в одно движение соскочила с моей постели и удрала на свою половину. Да так шустро свинтила, что моя правая рука, дернувшаяся вперед в непроизвольном порыве схватить девушку и удержать, цапнула только воздух! А самой златовласки уж и след простыл. Хотя вот только-только сидела рядом, на постели...

Спустя какое-то время поняв, что тупо сижу с протянутой рукой и пялюсь на перегородку, отделяющую закуток Энжель от моей части комнаты, я немного разозлился. Разозлился на свое вопиющее слабоумие. Обозвав себя скотиной похотливой, я повалился на постель. Спать.

– Успнешь тут, как же! – невольно вырвалось у меня, едва я только смежил веки.

Ну а что тут еще скажешь, если изящная грудь златовласки так и стоит перед глазами! Распахнув их во всю ширь, я скрестил руки на груди и зло уставился в беленый потолок, негодуя засопев. Прямо зло берет! От того, в сколь дурацкую ситуацию я угодил. Когда вроде бы и нельзя, и в то же время страшно хочется...

«Ведь не дело это, вовсе не дело так по девицам с ума сходить, – взялся я мысленно уговаривать сам себя, дабы привести в чувство. – Пусть и по таким прехорошеньким, чистеньким дворяночкам, как Энжель... Даже несмотря на то, что они мне очень-очень нравятся... Я ж уже практически женатый человек! И в Римхале меня ждет не абы кто, а первая красавица Империи!»

Но увы, мысль заглянуть на половину своей подопечной, чтобы пообщаться с ней еще о чем-нибудь, от таких увещаний менее заманчивой не стала. Похоть все-таки – страшная сила. Требуется удовлетворения немедленно, а не когда-нибудь потом. И глас разума

душит моментально. Или, вернее, сразу себе на пользу обращает. Заставляя самообманом заниматься... Ведь ничем иным не объяснить возникшую у меня настойчивую потребность отправиться к своей подопечной и поделиться с ней сомнениями относительно выводов о полной непричастности ее тетушки к подставе с Элис.

Нет, конечно, сама мысль о том, что маги банально могли не посчитать нужным создавать идеальную копию Энжель, будучи извещенными кое-кем осведомленным, что я не настолько близко знаком с девушкой, весьма здравая. То есть предпринятая златовлаской проверка не значит ровным счетом ничего. Но это явно только повод подобраться поближе к этой прелести золотоволосой... Дабы, когда она расстроится, в свои объятия ее заключить и утешить бедненькую...

«Нет, все-таки ты из этих – из любителей помучиться!» – задумчиво констатировал бес, уже довольно продолжительное время наблюдающий за моими терзаниями.

«Сам ты из них, скотина облезлая!» – немного резковато выдал я в ответ, неслабо так задетый этим замечанием за живое.

«Ну а чего тогда терзаешься? Да еще на пустом месте? – не отвязался мигом, как я надеялся, бес. – Ведь тут уже ясно: как ни крути, а дело закончится общей постелью!»

«Не закончится, и не надейся», – буркнул я, упрямо мотнув головой.

«Это ты не надейся, что эта особа от тебя отвяжется, – насмешливо заметил рогатый и фыркнул: – Она же явно втюрилась в тебя. А значит, пиши пропало. Теперь не отвертишься. Это у таких, как она, всерьез и надолго!»

«Да ну прям – всерьез и надолго», – не слишком-то я поверил в поведенную сказку. Нет, молодые девчонки, конечно, страсть как влюбчивы, но вот только эти их первые чувства очень редко длятся долго. И если Энж, проникшись чувствами после освобождения с каторги, и питает ко мне что-то такое, это наверняка быстро пройдет.

«Точно тебе говорю! – выдал рогатый без тени сомнения и жарко зашептал мне на ухо: – Так что послушай, осел, бесплатного совета – иди сейчас же к ней и сделай эту крошку счастливой... Не обращая внимания на робкие возражения и притворное сопротивление, разложи златовласку в свое удовольствие в мягкой постельке...»

«Иди ты знаешь куда со своими бесплатными советами?» – не выдержал я такого издевательства, ведь моя фантазия живо нарисовала донельзя развратную картинку всего этого действия. – Все они какие-то совершенно негодные у тебя!» – посетовал я в сердцах.

«Так а что ты хотел-то бесплатно?» – искренне удивился, разведя лапками, бес.

«Ну ты и...» – выругался я, поняв, что меня банально разводили, и едва не сплюнув с досады.

Я завозился, устраиваясь поудобнее. Может, все же удастся уснуть.

«Нет, ну если ты готов платить, то у меня есть что тебе предложить», – вкрадчиво молвил меж тем коварный бес.

«И что именно?» – без особого энтузиазма поинтересовался я.

«Ну, например, могу открыть тебе, что скрывает от тебя эта хитренькая притвора ди Самери, – оскалился рогатый и выпалил: – Всего-то за сотню лет контроля над твоим телом!»

Я едва с кровати не упал, услышав от него такое, и, запинаясь, спросил:

«Ты... ты совсем офигел?! Какие еще сто лет?»

«А что такого? – и не подумала смущаться наглая нечисть. – Это для короткоживущих людей столетие – целая жизнь, а для тебя – всего лишь непродолжительный отрезок времени».

«Все равно сотня лет – это чересчур до фига!» – возмущенно заметил я.

«Ну ладно, ладно, пусть будет девяносто девять!» – великодушно согласился скостить свои непомерные требования этот паршивец.

«Иди ты дальним-дальним лесом! – предложил в ответ я, нисколько не впечатленный сделанной уступкой, а наоборот, придя в еще большее негодование и нахмурившись. – И вообще, очень сомнительно, что знание того, что скрывает Энжель, стоит названной тобой цены. Небось, как всегда, надурить меня пытаешься».

«Насчет лисички Элис ты тоже так полагал, – припомнил мне ехидно оскалившийся бес. – А в итоге сожалел о своей жадности гораздо дольше затребованного мной месяца... Не боишься, что в этот раз будет так же?»

Я не повелся на его подначку. Хотя и возникло все же преогромное желание немедленно наведаться в закуток своей подопечной с целью проведения беспристрастного дознания касательно имеющихся у нее секретов. Остановило меня лишь понимание того, как глупо это будет выглядеть. Что я девушке скажу? «Поведай мне, что ты от меня скрываешь? Раскрой свою тайну, а какую, я сам не знаю?» При том, что девичьих секретов у Энж, как и у всякой другой девушки, наверняка тьма.

«Никакой пользы от тебя, одно расстройство!» – рассерженно выдал я, обращаясь к бесу. У меня аж настроение упало при мысли о том, что Энжель может оказаться такой же хитрой обманщицей, что и Элис... И все желание ушло...

Чуть не половину ночи я проворочался, не в силах уснуть из-за этого зловредного создания – беса. Все размышлял о том, что же скрывает от меня златовласка и, главное, чем мне это грозит. Было бы проще, не будь мой рогатый паразит-симбионт таким хитрецом и злостным игроком. Тогда хотя бы имелась некая уверенность, что дело весьма и весьма серьезное. А так... С нечисти станется меня разыграть, заявив в итоге, что Энжель скрывает какую-нибудь неудачно расположенную родинку на своем безупречном лице.

В общем, всю голову сломал, пытаюсь прийти хоть к каким-то выводам, но так ни к чему и не пришел. Только не выспался...

Пребывая из-за всего этого в определенном душевном раздразе, я не вымолвил ни слова за совместным завтраком с Энжель. Сидел, молча ел, да нет-нет поглядывал на свою подопечную, пытаюсь понять, чего от нее ожидать. А девушка, видимо, принимая бросаемые мной на нее взгляды на счет своей вчерашней разоблачительной выходки, краснела, смущалась и все ниже голову опускала, тоже не стремясь завязать беседу.

Только когда мы уселись в дилижанс и выкатили с постоянного двора, моя спутница решила затеять разговор. Наконец-то обеспокоившись целью нашего путешествия и с любопытством спросив у меня:

– А куда мы вообще едем, Кэр? Разве не в Кельм?

– Нет, – отрицательно качнул я головой. – В Римхол.

– В Римхол? – удивилась она и тотчас забросала уточняющими вопросами: – А где это? И что мы там будем делать?

– Это небольшой удельный городок, расположенный у восточных предгорий Палорского хребта. Там мы будем жить, – довольно обстоятельно ответил я на все это.

– А почему не в Кельме? – недоуменно похлопала глазками златовласка.

– Потому что из Кельма слишком далеко добираться до драконов, на которых мы охотимся, – простодушно выдал я.

– Ты охотишься на драконов?! – воскликнула Энжель, уставившись на меня. Кажется, даже пальчиком хотела покрутить у виска... Ну, судя по тому, как дернулась ее рука.

– Ну да, – чуть смущенно усмехнулся я.

– Но это же безумие! – невольно вырвалось у Энжель.

– Да почему же? – не согласился я и привел в свою защиту неотразимый аргумент: – У нас ведь получается. Уже пяток этих чудовищ извели. Включая нескольких магических.

– Как?! – задала один-единственный вопрос сидящая с круглыми, как блюдца, глазами златовласка.

– Ну, я этих гадов чешуйчатых подманиваю, а Кейтлин их убивает, – после некоторых колебаний раскрыл я используемый нами способ охоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.